

Надежда Большакова

ЧУДЕСА ЛОВОЗЕРЬЯ
Озера Ловозерских тундр

УДК 84(2=662)
ББК 821
Б 79

Издание осуществлено в рамках подпрограммы «Укрепление этнокультурного многообразия, гражданского самосознания и патриотизма в Мурманской области», Государственной программы Мурманской области «Государственное управление и гражданское общество» на 2014-2020 годы, утвержденной Постановлением Правительства Мурманской области № 555-ПП от 30.09.2013» по заказу Государственного областного бюджетного учреждения «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера»

Без права продажи

Большакова Н.П.

Новая книга писателя, члена Союза писателей России Надежды Большаковой, посвящена озерам Ловозерского района, в ней собраны легенды, сказания, мифы, рассказы об этих уникальных, красивейших водоемах Кольского края, их тайнах и открытиях.

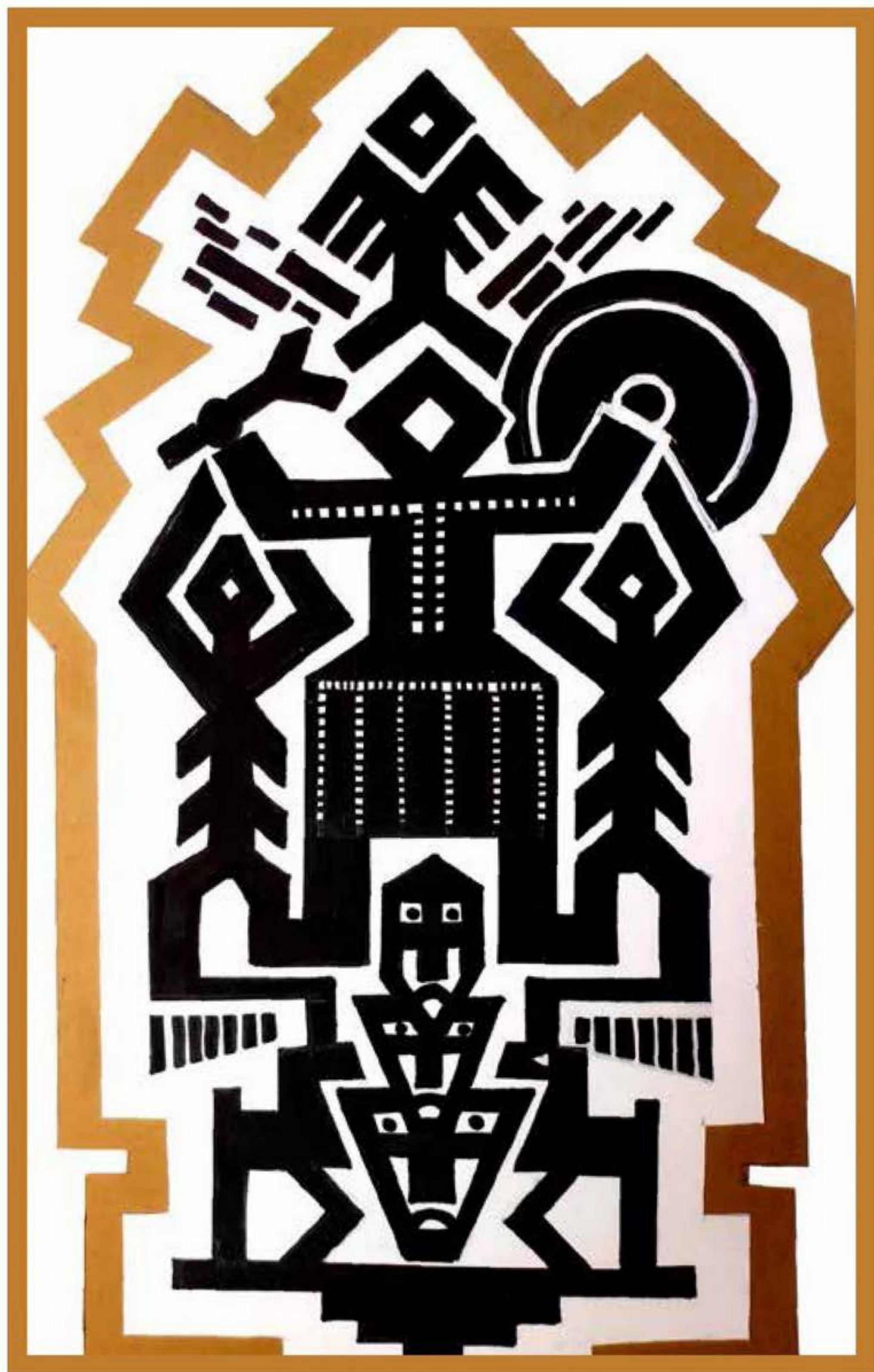
Предназначается для читателя любого возраста.

ISBN 978-5-9907970-7-9

ISBN 978-5-9907970-7-9

© Большакова Н.П., 2019
© Издательство ООО РПК «Зебра»

ОЗЕРО ЛОВОЗЕРО – ЛУЯВВЪР-ОЗЕРО

*Ряска тайного узора
Удивляет на пути.
Эти Кольские озера
Оглядеть не хватит взора
Ног не хватит обойти...*

Черкашин Виктор. Эти Кольские озера.

Да Кольские озера ни оглядеть, ни обойти – это точно. Они тихи и спокойны, глубоки и прозрачны, и может возникнуть обманчивое чувство, что озеро – застывшая чаша – ни волны, ни плеска. Но стоит подуть ветерку, и резко меняется характер озера, и теперь оно уже напоминает бушующий котел, изрыгающий пенные волны, и не дай Бог в это время кому оказаться в лодке на озере... – вспомнишь всех богов и духов, которых знал или о которых только слышал. Такими интереснейшими озерами в Кольской Лапландии, каждое из которых со своим необычным рельефом, уникальностью, потрясающими историями, можно назвать Имандру и Умбозеро, Ловозеро и Сейдозеро – священное озеро саамов. Три из них, кроме Имандры, располагаются в Ловозерских Тундрах. И разговор пойдет сейчас об озере Ловозеро, по-саамски – Луяввър.

В марте 2003 года пришла в музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой Галина Викторовна Зыкова, бывшая учительница биологии ревдинской школы. В это время она на какой-то период уезжала жить в Саратов и оттуда привезла сборник стихов поэта Николая Палькина, сказав, что после армии он какой-то период жил в Ловозере и работал в газете «Ловозерская правда». Меня это обстоятельство очень заинтересовало, захотелось ему написать и узнать подробнее и о его жизни на Севере, и ближе познакомиться с его творчеством. Как оказалось, песни на его стихи пели Людмила Зыкина, Ольга Воронец, хор им. Пятницкого. А как я раньше тоже любила петь песню «У моей России очи голубые» но знать не знала, что она написана человеком, когда-то жил у нас в Ловозерье.

Написала ему письмо, послала книгу своих рассказов. Он тут же ответил и прислал свою. Завязалась переписка. А в июле получаю от него в подарок стихотворение, датированное 29 июня 2003 года. Позвонила, чтобы лично поблагодарить, сказал, что вдохновили его

на это стихотворение мои рассказы о Ловозерском детстве. Именно с него мне и хочется начать свой рассказ об этом удивительном озере саамов – Ловозере.

Озеро Ловозеро

Сел бы я на облако, сел бы я на быстрое,
Полетел бы к северу в дальние края.
Плещется там озеро, озеро Ловозеро,
Там гуляет берегом молодость моя.

Угостился б ягодой, ягодой морошкой,
Слушал бы над озером чаек голоса,
Вновь назвал бы сказкою девушку саамскую
За её лучистые, чистые глаза.

Постоял, подумал бы возле камня белого,
Для костра рыбацкого дров бы нарубил.
С рыбаками вспомнил бы, чего было-не было,
С пастухами вспомнил бы, что знал, да позабыл.

Сел бы я на облако, сел бы я на быстрое.
Полетел бы к северу в дальние края.
Плещется там озеро, озеро Ловозеро.
Только где же, где она, молодость моя?

Луяввьр – название этого озера по-саамски. На Кольском полуострове это озеро третье по величине, лежит оно, вытянутое с севера на юг на 45 километров в длину и семь с половиной в ширину, с берегами неровными, изрезанными. Средняя глубина озера около шести метров, наибольшая – 35 м. Изобилует оно большими и малыми заливами, многочисленными мысами и почти ста сорока лесистыми островами, но об этом рассказ впереди.

ВИРМА – РОДИНА МОЯ

А пока речь пойдет о речке Вирме.

Речка Вирма,
Речка Вирма,
Что таишь ты в глубине?
С бережка крутого видно
Каждый камушек на дне.
Разлилась ты в устье вольно,
Под ветрами там и тут
В серебристых шапках волны,
Будто пыжики, бегут.
Кто длину твою измерит?
Ты журчишь средь гор июля,
«Вир» в саамском значит – берег,
«Ма» – родимая земля.
Сквозь меня, как сердцевина,
Как целебная струя,
Протекла речушка Вирма,
Вирма – родина моя!

Воронова Октябрина. Вирма.

Так о реке написала первая саамская поэтесса Октябрина Воронова. Но не могу обойти стороной я и творчество другой саамской поэтессы, рожденной в Ловозере, для которой Вирма – речка детства ее. Итак, стихотворение Софьи Якимович в переводе Викдана Синицына:

Протекает Вирма речка
У Ловозера поселка.
Слышу, как она лепечет,
Слышу всплеск ее веселый.

Просыпаюсь на рассвете,
Босиком из дома к речке
Я бегу. Березы ветки
Росы сыплют мне на плечи.

Вирма смывает все печали,
Унесет остаток грусти...
Слышу всплески, крики чаек
И саамский голос звучный.

«Вирма речка»

Сначала о речке Вирме, по которой плыть приходится, чтобы на простор воды озера Ловозеро выйти:

Вирма-речка

С купающимися, запечатленными в воде облаками

Проплываешь ее, любишь, входишь

В Поповское озеро – озеро саамских игр

Прелюдия...

Синквейн¹ «Вирма-речка – прелюдия»

«В детстве помню, на реку Вирма прибежим, цветов нарвем, венки сплетем и хвалимся, у кого пышнее да красивее. Берег Вирмы крут и весь в одуванчиках – будто покрывалом солнышкиным прикрыт. И так на склоне играть весело!

В детстве в Ловозере я всех детей знала по именам, много нас было: Юлиных, Галкиных, Юрьевых, Сорвановых, Матрехиных, Даниловых... Дружно жили, весело. Не было ни богатых, ни бедных, не отличишь своих от приезжих – все одинаковы. Все друг к другу в гости без приглашений бегали, всех за столы без разбору сажали – олениной кормили. Бывало, совсем кроха увяжется, на лавку залезть не может, – ему нос подотрут, посадят.

На зимние каникулы мы с братом тоже в Ловозеро приезжали. Зимой² отличие наше от ловозерских детей – они все в малицах², пимах³, мы с братом – в шубейках да валенках.

Зимой и игры другие. Хотя берег Вирмы и зимой хорош. На чем только по скользкому склону не катались! А сколько пуговиц оставили на заснеженном льду Вирмы – не пересчитать. По весне их течение с ледоходом в озеро уносило».

(Из рассказа Надежды Большаковой «Куда все ушло?»)

ПОПОВСКОЕ ОЗЕРО

Так незаметно по ходу лодки речка Вирма плавно перетекает в озеро Поповское, на берегу которого каждый год саамы в конце июня отмечают свои Летние саамские игры, собирающие множество гостей из разных городов и государств. А название озеро, между прочим, получило от деда первой саамской поэтессы Октябрины Вороновой, священника Михаила Распутина, любившего в 20-х годах прошлого столетия порыбачить на нем:

¹ Синквейн – пятистрочная стихотворная форма.

² М а л и ц а – расширенная книзу зимняя одежда из оленьих шкур глухого покроя мехом внутрь, длинной почти до щиколотки.

³ П и м ы – праздничная зимняя обувь, которую шили из оленьих койб, – чередующихся вертикальных полос белого и черного цвета.

«Жил Михаил Иванович справно, хорошо были у него свои олени, озеро близ села, где священник рыбачить любил. Приходившим рыбакам, обычно говорил: «Иди, сыне, дальше! Вон рядом Ловозеро. Там и воды, и рыбы больше. А мне отлучаться нельзя, у меня здесь храм, служба. Могу в любой час потребоваться»⁴. Так у местного населения озеро и отвоевал, его до сей поры Поповским зовут».

Н. Большакова. Октябрина (повествование о первой саамской поэтессе Октябрине Вороновой)

ВОТ ОНО ЛОВОЗЕРО

Только пройдя озером Поповским, тебе во всей широте откроется озеро Ловозеро.

«Сердце и сейчас начинает сладко замирать, когда вдруг прорывается в память шум захлебывающегося мотора.

Берег озера непохож ни на берег моря, ни на берег реки. Особая тайна и великое спокойствие как бы стережет его. Море – оно бескрайно, его берег тянется на сотни километров, и расплывается чувство земли, родины. Берег реки тоже от тебя бежит. И только берег озера как бы сохраняет целостность. За это и люблю озера зеркальные – гармония!

Вода в озере прозрачная, виден каждый камушек, стайка мальков шныряет на мелководье... И другой, зеркальный мир открывается».

Н. Большакова. Отрывок из рассказа «По озеру Ловозеро путь лежит к Сейдозеру»

⁴ Кожевников А. Солнце ездит на оленях // Из-во «Детская литература» – М. – 1972.

Непростое это озеро, с характером серьезным, не всегда покладистым, деревья гнет, крутит, искривляет их в причудливые формы, но не ломает. Посмотришь на них и точно девушек в веселых танцах увидишь, да каждую со своим норовом. Недаром у поэта Виктора Тимофеева, когда он впервые побывал на озере Ловозеро, стихотворение о них родилось:

На Ловозере ветер острый
бреет воду, скатившись с тундр,
и яреет, упав на остров,
где березы, как в танце, растут.

Ветер крутит, сыплет угрозы
и хватает все злей, грубей.
Но изогнутые березы
не внушают жалость к себе.

Белизною одежд сверкая,
руки-ветки прижав к стволу,
здесь любая береза взлетает,
как танцовщица на балу.
Красота – и сложно, и просто.
Время – озеро...
Не сотрут
глыбы памяти дальний остров
на ветрах с каменистых тундр...

«Остров танцующих берез»

Однако характер озера зависит, как замечено, не только от погоды, природных аномалий, но и оттого, кто в его владения решает пожаловать. Одним озеро путь открывает, не заливая лодки своими водами, а других выплевывает на берег. Это хорошо, если на берег, а не в глубины затащит... Но не будем о грустном...

Лучше скажу, что с лёгкого пера саамской поэтессы Эльвиры Галкиной получило озеро еще одно определение – озеро Любви. Уловило чувствительное ухо поэтессы, как частенько ЛОВозеро туристы на московский манер называли ЛАВозером.

С саамского на русский Луйяввьр переводится как сильное озеро или озеро силы. Об этом во многих документах, датированных XVI веком, можно прочесть. Озеро исконное промысловое, место саамов Ловозерского погоста, поделенное ими на тони. Каждая семья на своей тоне рыбу промышляла, на свои острова ездила, пока

не организовали колхоз. Колхозные рыболовецкие бригады ловили, где считали нужным, хотя принадлежность островов к семейным родам негласно соблюдалась саамами, и они по привычке продолжали ездить на свой остров, а не на какой-то другой. Благо рыбы здесь –какой хочешь можно поймать: сига, щука, кумжа, сёмга, па-лия, хариус, голец, окунь, налим водится... Лови, не ленись. У меня про то даже рассказ написан.

Улов деда Ивана

Павел, отец мой, – рыбак. Но дед Иван – еще более рыбак. Два рыбака...

Отец рассказывает:

– География такая: озеро Ловозеро, два острова Большой и Малый. И бригады две. На Большом – бригада Кириллова, на Малом – Вокуева. Ну и я тут же.

Видим, кирилловцы невод мечут. Наблюдаем, смеяться неловко, всю ночь метали – весь улов в одном ведре понесли.

Подходит дед Иван к бригадиру:

– Давай, Егорыч, теперь мы замечем!

Отвечает Вокуев:

– Спятил или не видел, сколь кирилловцы вытянули? К чему мучить людей?

– Спятил так спятил... И все-таки давай метнем!

– Тебе надо – мечи! Но без меня, с добровольцами, если найдутся. А бригаду мучить не дам.

– Павел! – зовет дед. – Давай, зять, рыбы черпанем! А они пусть в избе жопы парят! Я тебе сегодня настоящую рыбалку покажу.

Взял еще одного, парнишку молодого, – без третьего нельзя, так устроено: два невод мечут, один на ворота сидит.

Мне дед веревку невода кинул, и я на ворот сел, а он с помощником на лодке. Паренек гребет, дед невод в воду спускает. Втроем-то еще дольше метали. Дед Иван с озера рукой махнул, мол, крути, и работа пошла... Только кляч из воды появился (кляч – край невода), а в нем – мать честная! – рыбы видимо-невидимо. А уж когда матица – середина невода – показалась, там все кишело от рыбьего серебра. Я столько за всю жизнь больше никогда не видел.

Рыбаки с берега видят – дело такое, лодки в воду и – к нам. Не поверишь – шесть лодок рыбой нагрузили! Вот какой случай был!

Потом бригадир на радостях деду перед всей бригадой благодарность объявил.

– Папа, – спросила я, – ты хоть у деда поинтересовался, почему кирилловцы одно ведро вытащили, а дед шесть лодок?

– Конечно, спросил. Знаешь, что ответил он мне? Кирилловцы чужую тоню самовольно взяли – раз, два – их невод настроен плохо, три – слова надо знать, чтобы рыбу ловить, не простые слова, заветные.

Дед-то наш никому не позволял невод плести, сам затем и насаживал, и метал. Много знал наш дед, его мужики колдуном про-

зывали. Когда бы Иван Иванович невод ни метал, всегда с рыбой! Это тебе не просто так. И отец как бы в подтверждение своих слов о дедовской колдовской силе поднял палец вверх и потряс им. А затем продолжил:

– Меня Иван Иванович учил: «Никому не давай свои сети плести, сам плети – с рыбой будешь». Но заветные слова так и не сказал, говорил, что нельзя передавать их, иначе от него самого рыба уйдет».

Но такова бригадная ловля сетями да неводами раньше была, а в нынешнее время рыбаки любители рыбу в основном на спиннинг, удочку с июня по октябрь дергают. Зимой с декабря по апрель ловят. Толщина льда в это время до полутора метров может достигать. По этому поводу вспоминается мне, как в детстве бабушка Наташа учила меня рыбы головы есть.

«– Не простое это дело – искусство целое.

Когда саамы варят уху, в котелок или кастрюлю очень много рыбы закладывают, чтоб уха получилась наваристой, запашистой. Сварится – рыбу долой, отдельно на тарелку, жижицу – по кружкам.

Меня бабушка научала:

– Ты, внученька, головы больше ешь, умной вырастешь, потому как в голове рыбы самый ум сидит. Будешь головы рыбы есть – и сама умной станешь. Рыба для саама – жизнь! По ней можно узнать, как к тебе хозяева относятся, когда ты у них в гостях.

– Как бабушка?

– Если тебе хозяева хвостик подали, – не желанна ты им, середку положили – уважают, но в душу к себе все одно не пустят, а уж если голову предложили, – то здесь ты лучший гость. За своего тебя чтут.

Но, не дай Бог, кто-то голову взял, а съел плохо, бабушка сердилась, ворчала, убирала тарелку с недоеденной головой и подсовывала хвост.

– Надо, чтоб каждая косточка чистой была, просвечивалась...

Когда я делала все, как надо, хвалила:

– Умница, вот теперь вижу: научилась рыбы головы есть. Теперь ты у меня настоящая лопарка, как твоя бабушка.

– Нет, я русская, мне так папка говорил, а я вся в него.

Бабушка не сердилась:

– Пускай русская, а головы все равно, как лопарка, ешь. Мамка твоя лопарка, но так есть, не умеет. А ты – молодец!»

Н. Большакова «Рыбы головы»

Рыбалка
Кумжево-хариусная, сиговая
Время требует, радует, шепчет:
«Ловись рыбка большая и маленькая»
Настроение...

(«Рыбалка – настроение»)

Кстати, есть у меня и рассказ о рыбной ловле, написанный из воспоминания моей крестной саамской сказительницы Софьи Якимович, только уже из детства ее.

С чем пойдешь на подледный клев?

Дорога от Мурманска до Ревды неблизкая, о чем только не переговоришь. Меня крестная спрашивает:

– Скажи, с чем бы ты пошла на подледный клёв?

– Ты что, крестная. Я бы вообще не пошла, какой из меня рыбак?

– Разве я заставляю тебя идти? Я спрашиваю, что бы взяла, случись на подледный клев пойти, – настаивала крестная.

– Не знаю, взяла бы ледоруб, тулуп потеплее, мешок под рыбу, удочку...

Перечисляя, я наткнулась на смеющиеся глаза крестной. Спрашиваю:

– Ну хорошо, а с чем бы ты пошла?

– Я?! – словно ожидая этого вопроса, ответила крестная. – С топором!

– Как?!

– Так возьму топор и пойду.

– И что, рыбу топором ловить будешь?

– Конечно, – уверенно отвечает она. – И знаешь, поймаю.

– Как?

– Тюкну топориком по голове и поймаю.

Я, думая, что крестная меня разыгрывает, поддакнула:

– Конечно, поймаешь. Рыба – дура, она к тебе специально для удара подплывет.

– Подплывет, крестница, – подхватывает мой тон крестная. – На-лим летом по дну плавает, так? А как только лед скует озеро, под него выползает. Сидит, лед лижет и меня ждет. Вот я его и тюкну по голове. Оглушу топориком и вытащу.

Мне не верилось:

– Лед ведь тонкий. Ты к нему на животе подползать будешь?

Высматривать, где он сидит, тебя ждет?

– Да, да, – согласно кивает головой крестная. – В детстве мы так и ползали, топориком рыбачили. Молодой лед, прозрачный, под ним все видать.

– Так ведь и замерзнуть можно на животе?

– А мы в малицах. Интерес выше холода. Главное – словчиться и поймать.

– И много ты так рыбы ловила? – перебиваю я.

– Разве дело в количестве? Тебе и одной достаточно. Главное, чтоб ты рыбину топориком поймала. Летом-то налима никто не ловит, он под камнями прячется. Зимой – в ходу!

«САМАЯ ВКУСНАЯ УХА – СААМСКАЯ»

Будучи в марте месяце 2019 года в Кандалакше, я неожиданно для себя открыла удивительно талантливую литератора-краеведа Юрия Ивановича Скворцова. Открыла его творчество по книге «Нравственный компас», куда вошли рассказы охотника, лесные истории, стихи, сказки для маленьких северян, очерки. После того, как в 1959 в газете «Кандалакшский коммунист» был опубликован первый рассказ Скворцова «Последний глухарь с Вампо-Согра», он до конца жизни становится постоянным внештатным автором этой газеты, опубликовав в ней более ста статей. В память о певце родного края кандалакшские литераторы клуба «Феникс» собрали значительную часть его публикаций в книгу. И мне очень хочется привести здесь отрывок из его рассказа «Уха ухе – рознь»:

«Всю зиму мечтали мы с двумя сыновьями о летнем путешествии...

На лесистом берегу Ловозера, у шумной реки Светлой рыбачат саамские совхозные рыбаки. Тихая мирная картина. На зелёной лужайке старенькая изба, рядом чуть дымит костёр, на песке сушится длинный невод. Пахнет рыбой, водорослями. Пятеро рыбаков конопатят просмоленную лодку.

Обрадовались гостям, да и мы – тоже. Старший приветливо заулыбался: «Мы гостям всегда рады. Тут вот и уха поспела, сейчас перекусим». Скоро мы вместе сидим на досках, положенных на низкие чурбачки.

Старший саам, согнувшись, поднял с костра закопченный котёл и поставил на траву. Мы подивились – ну и котёл: такие махины встречал я в деревенских банях.

Рядом с котлом на широкую доску положил саам нарезанный кусками хлеб. Ложек не было. Расставил перед всеми кружки, первый зачерпнул своей из котла золотистый навар и начал есть, прихлёбывая.

– Кушайте, кушайте.

Все последовали его примеру.

Я осилил две кружки ароматного бульона. Остальные – не больше. Остатки навара слили в ведро и поставили в стороне. Две чёрные лохматые собаки стали лакать из ведра, поочерёдно, не ссорясь. Видно было, что не голодны.

В котле остались крупные куски сига и кумж. Эти куски надо было брать из котла руками, класть перед собой на доску, солить и есть. Свежая рыба прямо таяла во рту. Остатки тоже пошли собакам.

А на костре уже булькал и парил ведёрный медный чайник, словно сердясь, что мы медлим с чаепитием. К чаю саам поставил в тарелке сахар и твёрдые баранки. Мы тоже достали кое-какие угощения.

Чаепитие затянулось. Только после него саам спросил:

– Ну, рассказывайте, куда путь держите?

Началась беседа.

Саам слушал, качал головой, иногда улыбался. Потом убеждённо заговорил:

– Рыбу ловить, зачем далеко идти? Ног ломать не надо. Оставайтесь с нами. Вы какую рыбу добываете? Плотву? Окуней? Щук? У-у-у-у. такая рыбалка неинтересная. Я вас хариусов научу ловить, кумж. А в реке вон форели сколько. Ой, какая форель. А потом у нас изба тёплая, лодок вон сколько, бери любую. Тут кругом лучше наших мест и нет. На речке посмотрите, как выдры играют, лоси частенько вон ту протоку переплывают, уточек у нас, что гусей... Оставайтесь, и нам веселей будет. Я ребятам сказки буду рассказывать. Почему у росوماхи очки на глазах, знаете? А почему у лебедя самый чистый голос? Мы потом вас в посёлок на лодке доставим, и рыбы, сколько хотите, столько и берите с собой.

Слушал я журчащую речь старика, смотрел на синее и зелёное раздолье кругом, на ласковое солнце, взглянул на загоревшиеся глаза сыновей и решил остаться.

О том, как мы жили у рыбаков целый месяц, можно долго рассказывать, но здесь речь об ухе. Каждый день уха была из лучшей рыбы и самая что ни на есть вкусная. Мы единодушно постановили: самая вкусная уха – саамская».

Земля ловозерская, как и вся Лапландия суровая, студёная, с ле-

дяным колким осенним ветром, зимними снежными бурями, пургой, что ни зги не видать, сугробами в пояс, а то и в человеческий рост, с затяжной весной разливиистой и комариным белым коротким летом. Край гор, лесов, болот. Здесь камни сплошь и рядом мхами цветистыми да кустарниками ягодными украшаются. На спинах великанов-валунов причудливые, корявые сосны пиками торчат, ели сединно-лохматые, по тундре мелколистные карликовые березки расстилаются, ноги путают. Дикий, суровый край, окутанный таинственными саамскими мифами, легендами зашифрованными. Сверху посмотреть, так Ловозерские Тундры, что тебе подкова или лабиринт, тоже формы необычной, загадочной...

Лапландия

Песенная, былинная

Силу дает, воображение будит, сознание будоражит

Дом родной, земля моих предков

Колыбель...

(«Лапландия – колыбель»)

Особенно зачаровывает природа вокруг озера разноцветием ярких, звенящих красок осенних! Вобрав в себя все соцветия радуги, она выплескивает их на людей – радуйтесь! Здесь осень, как нигде в другом месте прямо-таки звенит в свои лимонно-оранжевые листья-колокола. Рыжие, бурые, золотые они на березах, рябинах, осинах на фоне черных гор даже в пасмурный день ярким цветом горят. Это днем, а вечерами их очертания оживают, затеявая немыслимые игры света и тени, пробуждая воображения людей на творчество, создавая фантастические сказочные образы. Здесь солнце летом не заходит за горизонт, оно только в тучах может спрятаться, зато зимой на недели многие за склоны древних скалистых Ловозерских Тундр закатится и не высовывается. Если б не чудодейное электричество, погружалась бы Лапландия в полный мрак. Но что-то я отошла от озера. А его визуально на три части можно поделить – на северную, среднюю и южную, соединяются которые узкими, мелкими проливами. Самой интересной и живописной считается южная часть с Моткой-губой.

Причалила к берегу лодка.

Озёрная гладь впереди.

Название земли этой – Мотка.
Ты краешком глаза взгляни:

Как берег вдоль озера длится
И камни омыты водой.
Я детством своим поделиться,
Любимый, хочу лишь с тобой.

С тобой посидеть на качелях,
Пройти по тропинке к реке.
Смородина - ягода спелая
К твоей прикоснётся руке.

Где тонкая нить паутины
Колышется на ветру.
В зелёной болотистой тине
Бабулины сказки живут.

Здесь каждый кустик мне дорог.
Эх, не вернуть время вспять.
Будет мне тридцать иль сорок,
Вернусь я опять и опять

В далёкое детство, на Мотку,
К берегу воспоминаний.
Между лесами и сопками,
На землю мечты и желаний.

(Э. Галкина. «Берег воспоминаний»)

Большой глубокий залив, рассекает массив Ловозерских Тундр, выводя путешественников к священному озеру саамов Сейдозеру с единственной вытекающей из него реки Сейдяввьрёгк, но об этом разговор отдельный должен быть.

*Берега
Каменистые, плесовые
Устремляется взгляд, проникает, вливается
Во времена древних пращуров
Давность...*

(«Берега - давность»)

Южнее Вирмы в Ловозеро впадает река Сергевань (Лухтиок), берущая свое начало на перевале Эльморайок (в Ловозерских Тундрах). Изобилует камнями крупными, а значит и порогами многочисленными. Да и вообще близость Ловозерских Тундр, высоких лесистых берегов, делают Сергевань одной из самых красивых маленьких рек Лапландии. Впадают в озеро Ловозеро и Курга-река, река Афанасия, Цага – речки неширокие, зато рыбные с перекатами, порогами. Река Курга в залив озера Ловозеро, закрытый большим островом, впадает на севере; Афанасия – с востока – в среднюю часть. А уж в южную оконечность Ловозера впадает река Цага – начало одного из самых популярных туристских маршрутов по Кольскому полуострову (Цага-Пана-Варзуга). А вот питает озеро Ловозеро своими водами реки Сару и Светлую. И скажу – все реки Ловозерские верх изящества и красоты!

На севере озера происходит отток воды из Ловозера по Воронье реке – одной из самых мощных рек Кольского Заполярья, длиной в 155 километров. И если от Ловозера течение ее спокойно, то ближе к морю Баренцеву превращается она в реку бурную с порогами сложными. Одни их названия чего стоят: Дьявольский, Медвежий, Заборный, Кровяной, Туманный...

Воды

Прозрачные, чистые

Зеленят, голубят, золотят...

Каждому своя песня озера слышится

Спокойствие...

(«Воды – спокойствие»)

Пока на лодке идешь по озеру, с правой стороны гряда красивых гор с выходом на Мотку тянется, острова проплываешь разные. Назову некоторые. С детства самый запомнившийся небольшой по своим размерам остров Овечий, на котором саамы выпасали овец, и моя бабушка в том числе. Мне он тогда казался самым добрым островом, и как же я порадовалась, когда в Интернете обнаружила конспект занятия на тему: «Знакомство со звуком и буквой О. Отдых на острове на озере Ловозеро» Светланы Ивановны Пидгаецкой, в котором педагог обыгрывает название острова Овечий в стихотворении о нем:

По Озеру ЛОвОзеру хОдят высОкие вОлны.
ОстрОв Овечий – вОт Он...
Облака кОлдуют над ОстрОвОм,
И Олени тОпчут мОх на нём.
ВОт уж и мОрОшка на бОлОте пОспела.
Ой, как мнОгО кОмарОв налетелО!

Тут в Интернете обнаружила стихотворение «Молитва саама» Михаила Минаичева, подивилась, кто такой, почему не знаю? Прочитала. Понравилось его повествование на былинный манер «Лово-озеро» и решила, читателям может тоже станет интересным почувствовать стиль этой молитвы:

Видно, мне идти к Лово-Озеру.
Лово-Озеро. Биться оземь мне.
Умолять-просить в дни осенние.
В дни осенние о спасении:
Чтоб текла во мне в ночь полярную
Кровь горячая капиллярами.
Чтобы сытым был в зиму долгую,
Развлекал себя кривотолками

Самый же крупный и необитаемый остров Курга, около 7 км в длину и до 3,2 км в ширину. Курга-остров озеро Ловозеро делит практически на две части – южную и северную с множеством других островов. Также с детства помню я и Юлинскую салму, на которую с бабушкой за морошкой ездила:

За морошкой

Кроме брата, все мы тут в лодке – я, бабушка, мама, папа – вроде пассажиров, но не ради развлечения здесь. Дед Иван везет нас на Салму-остров морошку брать. Где тот остров, куда мы пристать должны?.. А вот и он! Пристали.

Домик вроде чума, только чуть пониже, сделанный не из шкур, не из бересты, а дерном крыт. Старшие из лодки вещи выносят, я к веже⁵ бегу. Любопытно, приоткрываю дверь.

Чистенько. Столик на низких ножках, ящики вместо стульев, на

⁵ В е ж а – (куэдь) – зимнее жилище саамов, имеющее коническую форму четырехугольной или многогранной пирамиды с усеченной вершиной.

полке – чай, соль, крупы разные, сушки подвешены.

Родители костер развели. Зовут чай пить.

– Бабуля, это наш домик? – спрашиваю.

– Пей чай, не обожгись...

– А продукты чьи?

– И твои, и мои, и всем по труду – дом родной. Дрова сгорят – новые принеси, продукты поистратились – свои положи, не один путник такой едой спасся. На том живем-держимся.

– Давай, бабуля, папу с мамой домой отправим, а сами здесь на целое лето?

– На все лето я тебя на Сейдозеро возьму.

– Ой, как здорово!

Сейдозеро – это не бабушкина даже, это дедушкина сказка!

И бежим мы по морошку по Салме-острову, а в голове уже как чудо – Сейдозеро!..

Пока не показалось перед глазами вдруг чудо Салмозерское: столько морошки открылось – будто сукном с золотым отливом болото укрыто.

Бабушка мне повязала платок так, чтобы закрыть и лоб, и шею, а руки и щеки смазала душистой комариной мазью. Но дышалось все равно хорошо: сколько цветов, сколько запахов!

Взрослые как пошли по морошку, так и не разгибаются, а отец – тот даже на колени встал и пошел обирать – ведра наполнять.

А я хожу... с бидончиком пустым. Самую крупную, самую спелую, самую сочную – в рот. Пока не наелась до отвала. А тогда уж и упала, как отец, на колени, и застучали ягоды в бидон. Бидончик собрала, к бабушке в ведро высыпала, за второй принялась. Когда ягод много – весело собирать!

Вечером бабушка, обвязывая прозрачной пленкой ведра, сказала одобрительно:

– Лоантах мурьй, лоантах мурьй.

– Бабушка, ты колдуешь? – спросила я.

– Морошку хвалю. Говорю: спелая ягода! Пройдет лето, не успеешь оглянуться, будет кошкма мурьй. Кошкма мурьй – засохшая ягода, сморщенная, как старушка. Хватит говорить, спать ложись. С устатку, поди, ноги и спина гудят. Завтра опять на болото пойдем.

Когда на третий день вернулся за нами дед Иван, все ведра были полнехоньки. Мало того, отец даже в рубаху свою, завязав рукава и горловину, рохлой набрал. Бабушке на варенье, на шанюжки⁶.

К отъезду папа с мамой, как положено, вместо сожженных дров

⁶ Ш а н ю ж к и – запеченная в дрожжевом тесте рыба, открытая в центре.

новые набрали, продукты, что не съели, другим ягодникам оставили. Так у саамов испокон века велось.

Посидели на дорожку – и к лодке с поклажами. Обойдя вежу в последний раз, бабушка поклонилась жилью и, уже не оглядываясь, к моторке пошла. И мы за ней.

Дальше назову такие острова, как Чёрный (Чуэрвьсуол), Спасительный, Берлин, острова Зимниковые, Глубокие, Амбарный, Кыйтсуэл – остров, на котором в 20-х годах XX века по записи участника экспедиции Барченко Александра Кондияйна саамы приносили бескровные жертвы в виде съестных припасов, табака и прочего. Однажды я спросила свою крестную, почему раньше летом саамы на островах жили целыми семьями и почему сейчас этого нет? Из ее ответа, родился целый рассказ.

Старики ушли с островов

«– Раньше в селе саамы жили только зимой. Летом каждый род свой удел имел. Люди открыто жили, не то, что теперь. Нынче запреты на все. А что делать на острове, коль рыбу ловить нельзя? Чем питаться станешь? Вот власти и отбили у людей охоту на острова ездить.

Раньше по озеру только на веслах ходили, моторов не было. С Вороньей реки на Ловозеро идут – несколько остановок делают. На Водомере остановятся, на Семен-остров идут. На Салме постоят, с рыбаками тамошними чай, уху попьют, рыбу покушают, отдохнут и на последний – Спасательный – остров заходят. Всеми новостями поделятся, тогда в Ловозеро придут. Обрато так же идут.

Какая лодка ни плывет – каждой рады. Люди на островах, почти-тай, все лето живут, поговорить хотят, новости узнать, свои истории рассказать. А теперь что получается? На моторах меж друг дружки промчатся – даже в лицо не взглянут. В леса стали уходить, прятаться. На своей земле по-воровски живем, по-воровски сети ставим, рыбу ловим, все по-воровски... Это оттого, что земля и вода перестали быть нам кормилицами. Оттого и люди злее, завистливее. Со всем саамы потерялись среди людей. Раньше в весеннем лесу яйца птичьи искали, теперь среди чужих людей сородичей ищем... Вот жизнь какой стала. Люди – они что грибы. Только не все грибы ты в свою корзину кладешь. Хороший – к себе, поганку – выкинешь или стороной обойдешь. Так и с людьми. Хоть саам ты, хоть русский...

Нас родители учили: «Семь раз головой подумай, что язык твой

вытолкнуть хочет. От хороших слов глаза блестят, сердце поет. От злых, грубых – брови сходятся. Тяжёлое слово человека убить может. Семь раз думай, язык прикуси, молча посиди. Не судачь без толку, живи миром своим». Потому и народ сдержанным был. Сейчас саамам чужие дела навязали, свои исполнять некогда. Вот народ на глазах и меняется.

Старики помрут, мы помрем, и совсем не останется прежних людей. Все смешалось: кровь, дела, мысли...

Как старики наши ушли с островов, так те словно умерли, будто кто их на замок закрыл. Потому как они одному роду-племени принадлежали».

Эти слова в рассказе принадлежат саамской сказительнице и поэтессе Софье Ефимовне Якимович (Юрьевой), моей крестной, которая боль своих воспоминаний вложила и в свое собственное стихотворение об острове Чульме – салме – родовом острове семьи Юрьевых:

Юрьевская салма,
В шутку – «Порт-Артур»,
Где народ саами
В лодках весла гнул,

Выгребая с силой
В голубой простор...
И уха варилась,
И трещал костер.

Юрьевская салма.
Сгнил давно причал,
Разбрелись саамы,
Берег одичал.

Раздробленность берегов озера Ловозеро на малые и большие удивляла меня с детства, потому, наверно, в 1990 году у меня и придумалась сказка «Как Аййк – бог Грома зло наказал, или Почему озеро Ловозеро имеет столько островов».

На южном берегу красивого озера Луяввьр жил нуэйт *Оаньхесь Юльк* – Короткие Ноги, на северном – нойд *Вульгесь Вуэххыц* – Низкий Лоб. Давно и жестоко соревновались они в злобе своей, кто

больше людям своего становища худого сделает, беды принесет. До сих пор всё им сходило безнаказанно, и возомнили они себя выше всех духов и богов.

– Хочу, дух Воды, я с тобой заключить союз, выслушай, что я тебе предложу. Каждый раз, как я закину невод, ты мне станешь сполна рыбы давать, а я тебе жизнь одного лопина из моего становища.

Принял дух Воды условия нуэита, и стали умирать люди с берега южного. Сначала дух малых деточек забирал, потом и до взрослых *олмэ* – людей добрался, а когда остались одни старики, сказал дух Воды нуэиту Оаньхесь Юлльку:

– Старых жизни за рыбу не буду я брать, они и без выкупа скоро ко мне придут, а потому союз с тобой, нуэйт, разрываю я.

Нуэйт с берега северного другое содеял. Была в его становище самая красивая девушка, взял ее Вулльгесь Вуэххьц в жены себе, а когда та нечаянно пролила уху в камелек, сильно избивать ее стал. Раздел догола, достал прут осиновый и стегал так, что кожа с бедняжки клочками на землю падала. Даже кричать девушка уже не могла, потеряла сознание. А нуэйт ее окровавленную завернул в шкуру оленью, да так, чтобы ворс в раны забился, и вытащил из чума в себя приходить.

Пролежала она целую ночь, а наутро Вулльгесь Вуэххьц вновь ее, в чум втащил, шкуру размотал и снова бить стал.

Стонет девушка, просит лучше сразу убить, не мучить тело ее и опять потеряла сознание. А нуэйт воду льет, издевается, чтоб скорее в себя пришла. И мучал он так бедняжку целых три дня, а когда та умерла, выкинул тело ее в тундру на съеденье зверью.

Хвастается нуэйт с берега северного нуэиту с берега южного, вот, мол, какой он выдумщик, что жизни людей духу Воды за рыбу отдал. Низкий Лоб в ответ: это, мол, что, ты попробуй жертву свою до изнеможения довести, чтоб она смерти, как радости, ждала.

Видел их дела небесный бог Айк и решил проучить коварных да злых колдунов, которым высший Бог дал знания и умение колдовства, чтобы людям помогать, а не жизни их лишать. Натянул свой лук и метнул стрелу-молнию в нуэита с берега южного. Пронзила стрела Оаньхесь Юллька, прошла в землю и треснула та. Затем Айк натянул еще один раз лук, и попала стрела в нуэита Вулльгесь Вуэххьца, прошла через нуэита в землю и расколола ее на множество крупных и мелких островов.

Так бог Грома наказал зло, не мог Айк допустить, чтоб эти два нуэита, возомнившие себя чуть ли не богами, и дальше безнаказанно убивали людей. Уничтожил их в назидание другим колдунам, да

и простым лопинам, кто осмелится на злые дела.

Только сила удара стрел-молний оказалась так велика, что раздробила ровные берега озера Луяввьр. Вот с тех пор и разбросано множество осколков-островов по озеру, и уже не определить, где какой и чей кусок берега.

Уникально озеро еще и тем, что частенько ведет себя, как ему заблагорассудится: то, как зеркальное полотно, недвижимо стоит, окрашенное в разный цвет, то штормит до баллов девяти.

И все же самые таинственные острова вблизи мыса Осокинского находятся: Колдун, Еловый и Не Убей Оленя, Неубейка проще сказать. Здесь особые места силы, создающие своеобразный защитный треугольник.

Луяввьр-озеро
Окрашенное цветами пастельными...
Пасторалью звучит, плещется
Зовет озеро непредсказуемое,
на выносливость проверяет,
Колдует...

(«Луяввьр-озеро колдует»)

Подробнее о Колдуне расскажу. Есть у него еще названия – Волшебный, или Роговой. По размерам остров Колдун небольшой, но загадочный... В форме полумесяца и с берегом, покрытым чистейшим песком. А вот причалить к Колдуну с первого раза не каждому сааму удастся. Слишком уж вокруг острова много подводных огромных валунов имеется, они точно хранители подводные, не каждого в свои владения пустят.

Недаром в этих местах да на Сейдозере ученый, профессор Александр Васильевич Барченко, при прямой поддержке ОГПУ и Дзержинского, необычные временные явления изучал, связанные с изменением психики человеческой. А спутник его Александр Кондьяин, проходя просекой от озера Ловозеро к Сейдозеру, обнаружил в верхней точке ее, а затем записал открывающийся вид:

«С этого места виден по одну сторону в Ловозере остров – Роговой, остров, на который одни только лопарские колдуны могли ступить. Там лежали оленьи рога. Если колдун пошевелит рога, поднимется буря на озере. По другую сторону виден противопо-

ложный крутой скалистый берег Сейдозера, но на этих скалах довольно ясно видна огромная, с Исаакиевский собор, фигура. Контуры её темные, как бы выбиты в камне. Фигура в позе «падмаасана». На фотографии, сделанной с этого берега, её можно было без труда различить».

Роговый остров для экспедиции Барченко так и остался неисследованным. И когда плыли на Сейдозеро, и на обратном пути не допустил он их к себе. Вдруг небо неожиданно тучи черные затянули. Ураган налетел, мгновенно сломавший мачту и едва не перевернувший лодку. Прибило путешественников к крошечному, совершенно голому островку, где им, дрожащим от холода, и пришлось заночевать. Остров Роговой для них на самом деле оказался «заколдованным»!

У Геннадия Лукина есть рассказ под названием «Куэйт суэл – Обрядовый остров», в котором также повествуется об этом необычном острове:

«Когда-то в прошлые далекие времена на высоком круглом Обрядовом острове, так тогда звали остров Колдун, в южном конце озера Ловозеро жили саамы. И было у них на нем место для жертвоприношения – Чуэррьвькарт, наваленная большая куча оленьих и лосиных рогов, накопленная за многие годы.

Было это очень давно, когда пешей ратью юльквиг (викинги) ходили. В какой-то год летом юльквиг вплавь стали подплывать к этому острову. А на озере штиль, вода точно зеркало, не колыхается. Плыли кто на чём мог или что смог найти: на лодках, плотах... Много их шло со стороны Сейдозера. Увидели саамы, что по озеру в их сторону люди плывут, поняли – юльквиг. «Что делать? – друг у друга спрашивают». Решили к бабушке нуэйтъе (колдунье) обратиться, пускай, мол, ветер сильный нашлет. Как решили, так и сделали. Подошла она к жертвенным рогам. Стала молиться, жертвенные рога шевелить, да лыввьт саамскую петъ – за помощью к саамским богам обращаться.

И стал ветер подниматься. С каждым ее помешиванием рогов, сильнее дует, дыбя волны на озере. А нуэйта все громче саамскую лыввьт поет, все бойчее рога шевелит. И поднялся на озере шторм. На острове деревья гнет, на озере волны, точно горы с белыми гребнями встают. Побелело озеро, и поглотила озерная путина викин-

гов, погибли все...»

Да что говорить, саамы до сих пор предпочитают Колдун стороной обходить хоть летом, хоть зимой, да подальше объезжать, грибов-ягод не собирать, себе, как говорится, дороже, слишком уж мистическую, неприглядную славу этот остров за вековую историю приобрел. Это нерадивые, безбашенные туристы сначала без приглашения на остров вторгаются, а затем погибших товарищей своих увозят с него.

Хочу привести здесь рассказ очевидца одного, североморского врача В. Струкова, отправившегося в 1976 году со своими друзьями и сослуживцами на Ловозеро порыбачить:

«Мне пришлось быть свидетелем очень странных, почти трагических событий на Ловозере, на священном острове Колдун. До острова надо было плыть около 40 километров. Поехали на 4 лодках, но сразу сломался один мотор, а специалист-механик почему-то не смог устранить поломку. Заменили мотор на новый, но через 5-10 километров ломается еще один... Пришлось вернуться. Говорят - берите с собой местного лопаря и его мотор. Берем весьма нетрезвого лопаря и его древний мотор. Так как я выполнял обязанности врача, то сидел рядом с нашим проводником и очень часто по его просьбе (когда мотор начинал глохнуть) наливал ему чистый спирт. За это он поведал мне легенду об этом острове и озере. По его словам, остров служит всем местным жителям пристанищем и спасает от голодной смерти: там растут огромные сосны, много грибов, ягод и рыбы (есть даже форель). Тут не умрешь от голода и холода – но оттуда ничего нельзя с собой брать...

Наловили мы там красной рыбы – кумжи, форели, сига, собирали грибов и ягод и дружно отужинали. Был приятный, ясный, теплый вечер. Собрались в обратный путь. Тут все и началось. Поднялся настоящий ураган, не видно ни зги. Один мотор заглох. Начали тонуть, волна уже накрывала борт. Пересели из заглохшей лодки, получился перегруз – ещё хуже. Я уже решил, что в живых не останется никто. И тогда наш лопарь приказал все пойманное и собранное выкинуть за борт. Приказ мы исполнили, но ураган всё усиливался. Мы пытались вычерпывать воду пустой тарой, но это было практически бесполезно: слишком высокая волна. Грести тоже не имело смысла – в двух метрах ничего не видно... Тут лопарь говорит, что не всё, мол, выбросили, – ищите. Один полковник

нашёл в кармане у себя камешек размером с голубиное яйцо, прозрачный, красивый, ровненький такой – подобрал он его на берегу, сунул в карман и забыл. Тут же этот камешек за борт и выбросили. Мы все ожидали от этого камня чуда – и буквально через 10-15 секунд все стихло, установился абсолютный штиль, небо засияло, а мы сидели мокрые до нитки в полузатопленных лодках и боялись смотреть друг другу в глаза»...

Небо над озером просто необыкновенно! Оно нависает так низко, что, кажется, можно рукой достать. А игра света от темно-синего до золотого равнодушным не оставит никого.

Некоторые путешественники, охочие до необычайных мест утверждают, что Ловозеро, как и Сейдозеро, вулканическое происхождение имеет, потому и облака над ним точно с фильмов фантастических заснятые, характера аномального, преобразующиеся в самые невероятные очертания. Космос! Кто знает, откуда они здесь такие берутся? Может, мистификация подобная по причине того происходит, что место это кислородом в водах растворенным насыщенное. Научным языком сказать, так это следствие богатства фитопланктона и донной флоры или продолжительности полярного дня.

*Облака
Фантастические, аномальные
Мистифицируют, преобразаются, цветут
Проектируют миру образы невероятные...
Космос...*

(«Облака – космос»)

Удивительно, но стоит чуть повернуть карту озера, и оно предстанет перед тобой в образе птицы, например, озерной чайки, распростёршей свои могучие крылья над ловозерской тундрой и устремившей свой полет к священному озеру саамов – Сейдозеру, месту мистическому, окутанному тайной тысячелетий в мифах и легендах саамов. Но о нем отдельный разговор...

СВЯТО-ОЗЕРО – МЕСТО ЗАКОНЧЕННЫХ МЫСЛЕФОРМ

Богата древняя земля саамов на места дикие, сказочные, овеянные различными легендами. Имеет она и свою жемчужину – уникальное, неповторимое в своей красоте и образности, спрятанное в горах озеро Сейдозеро. Если день солнечный, то серебряная гладь озера, укрытая отвесными скалами, спокойна, приветлива; если через ущелье ворвется ветер – ревет, пенится, гудит. И не дай Бог оказаться в такое время на озере хоть какой лодке – в щепки разнесет. И ни про одно из озер не слышала я столько былей-небылей, сколько про Сейдозеро.

*...Надоест поститься прозою,
Плугом вспаханных равнин,
Побывайте на Сейдозере
– Рице дымчатых Хибин...*

(Андрей Воссмус. «Приезжайте!»)

Загадок у озера Сейдозера и окружающих его Ловозерских гор предостаточно. Можно сказать, ни в чем оно не уступает загадкам Бермудского треугольника или зоне падения Тунгусского метеорита.

Даже происхождение рельефа здесь загадочно. Например, гляциологи считают, что нынешний ландшафт этой земли не что иное, как результат схода ледяных лавин. Геологи говорят о тектонических складках Балтийского щита, которые деформировались так, что образовали боковые провалы в крепчайшей породе. С вышеназванными не согласны вулканологи, предполагающие, что весь этот район – «застывший гигантский пузырь магмы, а впадины с озерами – кратеры вулканов помельче и помладше». Про вышеназванные предположения уверенности до сих пор нет, а вот то, что Сейдозеро – чаша вулкана, подтверждали почти все сейдозерские рыбаки, и то, что оно имеет двойное дно, доказали аквалангисты, работающие в гиперборейской экспедиции В. Н. Демина.

Возникает вопрос, почему саамы столько озер называли одним и тем же именем – Сейдозеро, или Сеййтъявър? Многие скажут: так ведь они поклонялись камням – сейдам. Но слышала я от старых людей, что нуэйты, колдуны лапландские, запутывали тем самым любопытных, уводя от священных мест. А уж Свято-озеро охранялось особенно. Все знали: есть у саамов чудо-озеро – рыбы полное,

а как проехать, дойти до него – не ведали.

В конце 20-х годов, как описывает эти события известный этнограф В. В. Чарнолуский, из бедняков саамов была организована промысловая артель. Варвару Койбину назначили бригадиром рыболовов. Эта саамская женка очень хорошо знала озерное рыболовство. Строго соблюдала обычаи дедов, на чужие тони, закрепленные за той или другой семьей, не посягала. Но вскоре заметили саамы, что пришедшие на их земли коми-ижемцы стремятся выведать их тайные тони рыбные. Хитростью в бригаду Варвары вошел Ванька Кокулев. Побывал он с артелью на всех озерах, прознал, как и где рыбу ловить, открыл и тайный подход к Сейдозеру, а затем из бригады ушел. Осенью 1929 года на все саамские озера пришли богачи ижемцы. Упустили свое озеро саамы. Про то ведомо стало всем, так как с некоторых пор начала рыба исчезать из Свято-озера.

В годы войны, когда всех мужчин забрал фронт, остались на Сейдозере два старика и женщины. Руководила ими Агафья Ефимовна Галкина, которая мне доводилась двоюродной бабушкой. Вспоминала она, что в военные годы давало озеро столько рыбы, сколько за всю свою долгую жизнь уж больше она не видела. Как будто Бог делился с людьми своим добром.

Газета «Ловозерская правда» писала, что за период 1939-1940 годов на озерах Сейдозеро и Ловозеро было выловлено 70 тонн рыбы, в два раза больше, чем в 1970 году.

ОЗЕРО НЕОБЫКНОВЕННОЙ СИЛЫ

Таинственность священного озера сегодня привлекает к себе множество народа. Одна моя знакомая, врач по профессии, рассказывала, что лет пять назад, побывав в Геленджике около дольменов, услышала голос, произнесший ей, мол, там, где она живет, на Севере, есть необыкновенной силы озеро Сейдозеро, вот куда нужно ходить заряжаться энергией и получать знания тонкого мира.

Горы, будто пьедесталы,
Сейда – чаша, духов пир,
И вода здесь не простая,
Выпьешь – враз прибавит сил.

А пьянящий горный воздух –
Не скупись, дыши в запас.
Сядь к костру – ну чем не отдых,
Все курорты не про нас...

(Аскольд Бажанов. «Сейдозеро»)

Однажды в Музей саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой пришел странный человек, представившийся последователем учения Ашрама, и попросил меня рассказать о саамах и их священном озере Сейдозере, якобы на Алтае учитель Ашрама знает об этом озере, знает о том, что оно и есть Северная Шамбала и вызывает у алтайцев большой интерес к себе.

Я же после его ухода задумалась. И правда, какой интерес вызывает у людей наше Сейдозеро, если интересуются им даже алтайцы? Для саамов это *религиозно-культовое место*, место их духовной культуры. Других оно привлекает *своей уникальной минералогией*. С 1970 по 1995 годы Александром Петровичем Хомяковым, доктором геолого-минералогических наук, или при его участии, в Ловозерских горах вокруг Сейдозера было открыто 80 новых видов минералов, таких, как сейдозерит, астрофиллит, карнасуртит, ловдарит... Третьи идут сюда ловить рыбу, *считая сейдозерского сига самым вкусным* в мурманских водоёмах. Четвертые на базе этого озера собирались делать *национальный парк*, превратив его в туристическую базу. Пятые во главе с профессиональным проводником, фотографом, серьёзно изучающим биогенные и геопатогенные зоны, – Александром Гурвицем считают Сейдозеро уникальной, можно сказать, *эталонной биогенной зоной*, вылечивающей различные заболевания, и *местом северной Шамбалы*, где происходит мате-

риализация законченных мыслеформ. Шестых привлекает озеро и окрестные ущелья необыкновенным явлением под названием мереченье, о котором писал Александр Барченко, врач, исследователь, руководитель экспедиции на Сейдозеро в 1922 году, изучавший это явление. А питерец Михаил Жавнерко в 1999-м не раз испытывал *мереченье* на себе. Будто бы, находясь месяц на Сейдозере, он наблюдал несколько двойников из своей жизни, приходивших к нему. То есть, приходили люди точная копия его родственников. Кто-то ищет в окрестностях Свято-озера *снежного человека*... Кто-то, как, например, Валерий Никитич Демин, открывал здесь древнюю цивилизацию – *Гиперборею*. Кого-то влечет природа этого места, *редкие растения*, сразу несколько видов папоротников. Увлеченные фотографы спешат в это место *заснять Куйву и красивейшие ландшафты озера*. Куйва, если кто забыл, – наскальное изображение распятого саамского бога, гигантский «петроглиф» высотой в 72 метра, вызывающий у людей особый интерес.

О нем существует множество легенд. Большинство людей воспринимают Сейдозеро прежде всего как явление физическое, для меня же это озеро из категории прежде всего духовной. *Озеро ощущений, мыслеформ, вселенской памяти...*

Страна Лапландия – не байка и не сказка!
Есть адрес точный – полуостров Кольский.
В краю Сейдозера с души спадает маска...
Здесь мир – другой; особенный и тонкий.

Десятки тысяч лет молчит живая тундра...
Скрывает многое от глаз скупая поросль.
Где разноцветье трав и мха седая пудра,
Укрыли землю нашу вместе или порознь.

Саамский Куйва, заключённый в камне,
Глядит на пёстрость ягельных просторов...
Кто чтит природу, кто знает цену тайне,
Вмиг забывает наглый человеческий норов.

Давным-давно стал пленником гранита
Хозяин тундры, её преданный хранитель.
Что можно ждать ему от нашего визита?
Он чужаков не хочет допускать в обитель.

Здесь тишина в любой песчинке Сейда.
Воронка времени – свечение над тундрой...
В огнях всё небо! Это – добрая примета!
Путь во Вселенную отсюда ночью лунной.

Считают звёзды – ход жизненного круга...
От смены к смене зодиакальных знаков.
И если Север вдруг в тебе увидел друга,
То ты, как минимум, с толпой не одинаков.

Прикрой глаза... Отбрось дурные мысли...
Не бойся – жди! Тебя дух озера приметит.
Пошли Сейдозеру свои вопросы жизни...
Вот-вот «Священное», услышит... и ответит.

(Александр Гусарин. «Сейдозеро»)

СЕЙДУШКИНО СЕЛЕНИЕ

Может, у тех, кто очень верит в шокирующие гипотезы, и глаза открываются на различные явления, не знаю. Только это хорошо, когда человек верит в светлое, доброе, и за впечатлениями спешит не на курорты Турции, а на природу, в места скопления чистой

энергии, постигая загадки Вселенной. Для меня Сейдозеро – это пространство любви, которое в детстве создала мне бабушка. Там я всегда ощущаю себя дома и совершенно счастливым человеком. Это озеро во мне живет настолько зримо и осязаемо, что стоит закрыть глаза – и я уже там. Могу почувствовать леденящую руки воду, предутреннюю прохладу, скопление росы на листьях трав, особые запахи земли...

«Не простое это место, одним словом – Сейдушкино селение, как сказывала моя бабушка. Говорила она мне:

– Примет Сейд – всю жизнь будешь под его защитой, не примет... Лучше бы принял.

В детстве утром, бывало, выйду из чума и слышу бабушкины наставления:

– Умываться к озеру пойдешь – в воду не лезь. Тихонько с Сейдушкой поздоровайся.

И так вот стою я на камушке, а сердчишечко... Нет, не наклонюсь – на колени встаю. Господи! Господи! Кто ты есть, Господи? Может ты и есть Сейдушко? Хорошо-то как! Лучи солнечные из-за горы по воде поползли. Да тут не только говорить, тут дышать грех!

Свершилось! То ли мечта стала явью, то ли чудо какое, только вновь я к озеру подхожу, с Сейдушкой здороваюсь, одариваю его монеткой серебряной, ниткой бисера и сердцем слушаю – примет меня озеро или нет. Однако приняло! Ждал меня Сейдушко, рад был! Потому как, подойдя к озеру, я зримо увидела: поднялся, встал передо мной Сейд прозрачно-молочной тенью и поприветствовал свою уже взрослую дочь.

Птицы над водой курлычут, словно доносят бабушкины слова:

– Помни, внученька, земля – мать родна. Землю пожалеешь, станешь мудрей. Воду чти, без воды человек, что пень сухой. Воду испьешь – молодость вернешь. Вода рыбку дает, рыбку съешь – умной станешь!

Я, побывав на Свято-озере после 28-летнего перерыва, вновь ощутила, почувствовала: живое оно! И вода, и горы, и растительность. Все смотрит на тебя с настороженностью, не причинишь ли вреда? И один вроде стоишь на берегу, ан, нет! Сотни глаз вокруг находятся. И наступая на березки карликовые, что под ногами к земле пригибаются, просишь прощения, потому как опираешься на них всей своей тяжестью. По склону на гору карабкаешься, просишь ветви деревьев держать крепко-накрепко, не дать сорваться

вниз. Ступаешь на камни влажные да мшистые – просишь их прочно лежать, не ходить ходуном.

Говорят, зимой в этом озере среди льда кипят ключи, и птицы, которые зимуют на озере, прилетают сюда воды испить, звери разные к тем местам тропы прокладывают. Говорят, озеро двойное дно имеет или бездонную дыру, которую старинная молва мерить не велит. Потому и рыба здесь особая. Ни с каким другим сигом не спутаешь сейдозерского, сига семейства лососевых. Причем озер с названием Сейдозеро на Кольской земле несколько и про каждое своя легенда имеется. Про Ловозерское легенда рассказывает, что у Сейдушки – хозяина озера есть три дочери и одаривает хозяин тех рыбаков богатым уловом, которые его дочерям сделают равноценные подарки в виде нитей бисера или бус. Получит выкуп Сейд – с отменным уловом будут рыбаки, не получит, – уйдут ни с чем.

Зимой спит Сейдозеро. И воде отдых требуется. Саамы не смели ледяное тело озера протыкать, боясь накликать на себя беду. Покуда рыбаки законы предков блюли, с рыбой были!

А еще говорят, вьют там гнезда белые лебеди, и словно не лебеди они вовсе, а души саамских прадедов, с ранней весны до поздней осени охраняющие озеро от недобрых глаз.

(Отрывок из рассказа Н. Большаковой «Сейдушкино селение»)

Может, поэтому мне очень часто кажется, что второй своей сущностью я живу вдали от цивилизации, каменных домов, живу на своем озере детства – Сейдозере. Там собираю на болотах морошку, любимую ягоду, ем ее в рыбном салате лумьнювте, увлечена изучением сказочных, волшебных образов, создаваемых простыми лесными валежниками и корягами, там любуюсь красивейшими в миру птицами - лебедями... Могу несколько месяцев не покидать свое писательское кресло, но все равно оставаться человеком природы. Наверно, то, что мы впитываем в детстве, прорастает в нас корнями и выкорчевывается только с кровью.

И даже если долгое время не бываю на нем, оно живет в моем сердце, в моей душе, моей памяти. Иду туда на зов его. Знаю: все дороги, все пути откроет Сейд, если захочет увидеть меня. Но без зова на Свято-озеро не хожу.

Порой нам кажется, что мы все одинаковые, из плоти и крови, разнимся только воспитанием, образованием, да на погляд. А, оказывается, разнимся еще и своим духовным развитием. Один к по-

стижению Бога и Вселенной только-только подходит, а другой уже несколько ступеней восхождения преодолел. Потому и на Сейдозере каждый ищет для себя то главное, что соответствует его духовному росту. И поступает совершенно правильно – оно одно из самых уникальных мест, где можно уединиться и остаться наедине с самим собой, чего большинство из нас, особенно в последние годы, лишены. Особое МЕСТО СИЛЫ. В этом месте, как нигде в другом, можно сосредоточиться на своем сердце и спросить, как дальше жить, по какому пути следовать, и ответы получить незамедлительно.

В 70-80-х годах в парикмахерских для сушки волос применялся особого рода фен в виде колпака. Так вот, если представить хорошенькую головку женщины нашей планетой Земля, то колпаком будут те мысли, которые мы посылаем небу. И чем они несовершеннее, тем колпак этот становится плотнее, непробиваемее. Но есть на Земле места особо чистые по своей энергетике, подобные Алтаю, Тибету, Египту, Индии или вот нашему Сейдозеру, где можно голос неба услышать, увидеть существ параллельного мира. Говорят, нынешнее время – время, когда тонкий и плотный миры особенно друг к другу приблизились, на стыке даже не столетия, а тысячелетия, многим людям стали вдруг открываться дары целительства, видений, пророчеств... В это место нельзя идти враждебно настроенным, со злобой или обидой в душе, отрицательные вибрации здесь недопустимы, потому как сразу или чуть погодя последует расплата, и тогда не стоит вопрошать с мольбой к Господу: «За что?» Здесь за каждое действие и даже мысль придется отвечать. Я уже упоминала, что это место материализации законченных мыслеформ.

МЕДИТАТИВНАЯ СКАЗКА

Однажды меня пригласили сходить с группой интересующихся саамской стариной людей на мурмашинские сейды. Я с радостью согласилась, и это маленькое путешествие стоит особого рассказа. А на следующий день участники этого необыкновенного похода собрались вместе для медитации. Мне увиделось Сейдозеро и происходившие на нем необыкновенные события, которые затем для своего будущего романа о нуэйте Тасть я записала главой под названием «Обряд посвящения» и привожу ее здесь.

По величайшему повелению Хранительницы Священного Озера Духов было велено пригласить на необычное посвящение старейшин всех родов великой Лапландии. Высочайший совет богов решил, что обряд посвящения Тасть в нуэты⁷ проведёт сама Хранительница Священного Озера Духов, которая многие века не показывалась никому из смертных. Но на Тасть боги возлагали какую-то особую миссию. С самого рождения девушку по имени Звезда вёл к этому событию сильнейший посвященный земли саамов Деммит. Это он, услышав волю богов, нарек новорожденную Тасть – Звездой.

Перед предстоящим событием Тасть сильно волновалась, потому как знала, за все века истории её народа никому ещё не приходилось быть посвященной самой Хранительницей Священного Озера. Когда Деммит привез её на место и оставил на берегу, она явственно вспомнила свой сон, приснившейся ей, когда была в десятилетнем возрасте.

Из-за опустившегося вдруг тумана она ничего не могла разглядеть. Чтобы Тасть не испугалась, Деммит предупредил её о том, что ей предстоит участвовать в событии почти мистическом.

Тасть почувствовала, как огромной силы руки подхватили её и вознесли над лесом, опустив на одной из девяти гор, окружающих священное озеро. С высоты птичьего полёта она увидела, через сползавшую пелену густого тумана, как озеро стало оживать. Спокойствие его было нарушено тем, что вода в центре стала подниматься, образуя что-то вроде перевернутой вверх дном огромной чаши, похожей на водопад, с ровной круглой площадкой, в центре которой искрился невиданной красоты огромный кристалл... Но каково было удивление Тасть, когда глаза девушки в блеске невиданного доселе «кристалла» стали различать очертания прекраснейшей из женщин, от которой исходило сияние, подобное солнечному. «Хранительница Священного Озера Духов», – донёсся до Тасть восхищённый шёпот старейшин родов.

Да, это была она, Хранительница Священного Озера Духов в длинном, сияющем белизной платье и с накинутым на голову капюшоном.

⁷ Нуэйт – шаман или колдун.

Лицо её какое-то время оставалось в тени этого капюшона.

И тут Тасть увидела, как стали оживать горы, отделяя от себя тени девяти огромных старцев, два из которых выделялись особо. Капюшоны тёмных накидок старцев, казалось, задевали облака, такими они были громадными. Лица их, как и лицо Хранительницы Озера, Тасть разглядеть не могла.

Перед Хранительницей Священного Озера Духов и великими старцами Тасть вновь себя почувствовала беззащитной, маленькой девочкой, которая впервые появилась в веже нуэита Деммита. Однако при этом она никакого страха не испытывала, а только стала глазами искать Деммита, чтобы хотя бы мысленно поделиться с ним восторгом всего увиденного, но вместо него её взору вдруг сразу открылись все боги и духи, собравшиеся на это великое посвящение и восседающие поверх гор.

Хранительница Священного Озера Духов выпрямила свою лебединую шею, и соскользнувший на плечи капюшон открыл её лицо и серебристые волосы. Тут все и увидели, как она прекрасна. Её взгляд устремился на старцев, восседающих на горах, которые медленно стали поднимать к ней свои лики. Когда взгляд кого-то из них встречался со взглядом Хранительницы, они приветствовали друг друга поклонами. По лицам приглашенных на посвящение старейшин родов её взгляд только скользнул, не задержавшись ни на одном, зато они склонили свои головы в глубоком поклоне. Когда же она остановилась напротив тёмной распятой тени на стене и устремила на нее свой взгляд, все увидели, как из центра распятия навстречу ей вышел такой же, как она, прекрасный Хранитель. Он прошёл по воздуху, точно по мощённой дороге, и приблизился к ней. Они поклонились друг другу, затем он, так же, как до этого делала она, поклонился всем, восседавшим на горах. Когда процедура приветствий была соблюдена, они наклонились к своим ногам, которые обволакивал клубившийся туман, и стали поднимать вверх серебряную чашу, неизвестно откуда появившуюся, пока она не оказалась у них над головой. Тогда все увидели, как чаша стала до краев наполняться живым солнечным светом, струившимся с неба. Два огромных старца подхватили Тасть под руки и поставили перед Хранительницей и Хранителем озера. Оказавшись рядом с ними, Тасть охватило непередаваемое волнение, и она скорее почувствовала, чем увидела, как оказалась в солнечном молоке, благодатно льющемся на неё из перевернутой чаши Хранителей. Каждая клеточка её тела напитывалась необыкновенной солнечной энергией и светом, а когда это необыкновенное омовение было произведено, старцы вновь подхватили Тасть под руки и поставили на место.

На какое-то время всё вокруг вновь покрыл плотный туман. Когда он стал расходиться, Тасть увидела, как Хранители лежат уже на дне

этой чаши, точно дети в утробе матери... Теперь поток солнечного света с неба щедро пролился на них, осветив их тела. И вновь туман сокрыл всё... А когда сошёл, все увидели в руках Хранителей прекрасного новорожденного ребенка. На протянутых руках они подняли его к небу, и теперь небесное золотое молоко щедро пролилось на него. И тут два старца вновь поднесли Тасть к Хранителям озера, которые очень бережно передали ей этого новорожденного младенца. Когда Тасть приняла его в свои руки, она почувствовала его своим собственным, рождённым ею из крови и плоти. Сердце Тасть наполнилось огромной всепоглощающей любовью к этому необыкновенному младенцу и к Хранителям.

И снова всё погрузилось в туман. Тасть с огромной нежностью прижимала к своей груди живой дар свыше. Когда туман рассеялся, она увидела, как Хранитель, раскланявшись со всеми, покинул озеро, на водной глади которого оставалась только Хранительница. Теперь она совершала поклоны всем. После последнего она вдруг, как вихрь закружилась на месте, и точно в водовороте стала медленно погружаться в озеро, образуя тем самым на нём в разных местах девять новых воронок, из которых одна за другой фейерверком стали вылетать радужные снопы, перекидываясь шлейфами цветов на девять гор, окружающих священное озеро Духов. На миг Хранительница Священного Озера Духов застыла, протянув руки к небу, и взгляд Тасть тоже устремился ввысь, и увидела она живое око всевидящего, всезнающего Бога. Тасть смотрела на него не в силах оторваться, видя в нём картины своего будущего, будущего многих людей... И поняла, именно эти люди станут в её жизни определяющими её великое предназначение посвящённой, но прежде чем они появятся, сменится много лун, да впрочем, как и вся её жизнь станет лишь подготовкой к встрече с ними. И в конце видений прозвучали слова Всевышнего Бога: «Прими от старца крест – это моё тебе на то высшее повеление и стань светом для своего народа»...

Наконец, око стало бледнеть и, наконец, исчезло совсем, а когда Тасть вновь обратила свой взгляд на озеро, Хранительницы на нём уже не было, зато небесным отражением в нём плыло око Бога...

И вновь невидимые огромной силы руки подхватили Тасть и аккуратно опустили с горы на берег озера с уже ожидающими её старейшинами родов. Они с большим почтением к ней стали подходить, предлагая свои дары. Последним шёл Деммит, надевший ей на голову красивый венок из цветов и протянувший руку, чтобы проводить к лодке, чуть покачивающейся на глади озера. Лодка была красиво устлана сухой донной травой и цветами. Тасть величаво шагнула в неё. Она знала, что весь путь по озеру должна будет проделать стоя, сохраняя священное молчание. Старейшины опустили в воду весла. И тут Тасть вспомнила о ребенке, который даже не заметила, когда и как

исчез. Её охватила паника, как она могла потерять дар Хранителей озера, но услышала знакомый чарующий голос – Хранительницы, который на этот испуг тут же ответом возник в её голове: «Он в тебе. Это твоя душа. Береги её и храни в такой же чистоте и святости, какой получила от нас. Плыви навстречу своей судьбе».

Тась знала, теперь она находится под охраной Хранителей озера.

И сама по себе сложились песня-обращение к своим духам-помощникам:

Я жду вас, духи-покровители мои,
Те, что даны в помощь мне.
Олень, брат мой
Мяндаш золоторогий,
Взываю к тебе, приди, я жду...
И ты, Медведь, – дед всех дедов
В ком мудрость от веков,
И сила от Матери-земли.
Приди ко мне, я жду тебя...
Спеши-лети мой Орёл,
Рассекая воздух взмахом
Своих мощных крыльев.
Я уже слышу гром от ударов их...
Как блеск молнии,
Плыви, Рыба, ко мне –
Праматерь всех рыб,
Я хочу видеть тебя,
Моя путеводительница...
Я стою на пути посвящённых,
И мне нужна ваша помощь...

Её голос звучал громко, а звуки бубнов старейшин родов, доносившиеся с берега были подобны раскатам грома. Достигнув наивысшего подъёма душевных сил, она осела в лодку и стала раскидывать по озеру донные травы...

Затем долгие годы, находясь на пути нуэтье, люди обращались к ней по разным поводам: кто-то узнать судьбу своих детей, кто-то нуждался в лечении, кто-то отправлялся в путь и хотел знать, как он для него сложится, кто-то просил найти потерявшихся оленей... Все шли к ней со своими нуждами, и всем она старалась помочь...

ЖАЖДА ОТКРЫТИЯ СЕЙДОЗЕРСКИХ ТАИН

Один пример из похода на Сейдозеро, (без имен действующих лиц). Женщина идет впереди мужчины, встречая препятствие, пыта-

ется преодолеть его... В этот момент слышит громкое раздраженное ворчание позади себя, мол, да скоро ты, и, поторопившись, получает травму ноги, но кое-как все же добирается до Сейдозера, испытывая при этом сильнейшую боль в ноге, и, еще не успевая подумать о помощи, тут же получает её. К группе на лодке подплывает человек, оказавшийся специалистом по разным видам травм. Буквально за несколько минут он помогает женщине, а мужчина, что сорвал на ней своё раздражение, получает наказание. Он, раздраженный медленным передвижением группы немолодых уже людей по ущелью, решает искать более быстрый и легкий путь, но к лагерю своих товарищей присоединяется гораздо позже, чем они приходят на Сейдозеро, полностью вымотанный и уставший многочасовым блужданием по горам. Люди не должны думать, что, если в жизни они постоянно совершали неблагоприятные поступки, придя на Сейдозеро, начнут получать желаемое, как бы не так...

Поражают некоторые туристы. Однажды, совершив поход на Сейдозеро, они начинают возмущаться, что шли туда с единственной целью – увидеть нечто необычное, каких-то неведомых духов, соприкоснуться с тем, с чем никогда не соприкасались в обыденной жизни, и... ничего не видят, кроме воды, гор, леса, поэтому и испытывают сильнейшее раздражение и разочарование. Но ни один из возмущавшихся даже не задумался, отчего это произошло? Может, нужно искать ответ в самом себе, своей жизни, своих поступках, тёмных мыслях, что, в конце концов, просто не готов увидеть то, что Сейдозеро раскрывает кому-то?

Разговор с проводником Софией Николаевой, частенько сопровождающей группы туристов на Сейдозеро, я привожу в одном из рассказов, опубликованных в моей книге «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем». Она на озеро идет совершенно не думая, покажет ей Сейд что-нибудь необычное или нет, и Сейд показывает. Те же, кем движет жажда открытия сейдозерских тайн, возвращаются ни с чем. Существует одно очень мудрое изречение о том, что Христос проявляет себя в тихой беседе, среди немногочисленных и искренних учеников. Это к тому, с чем человек идет на Сейдозеро. Только умея слушать голоса природы, созерцая ее красоту, пропуская все это через свое сердце, наполняя любовью, человек станет ближе к Богу, а значит и к Сейдозеру.

*Сейды
Широкогруды, холодны.
Помнят, молчат, помогают...
Эти огромные валуны с мощной энергетикой...
Покровители...
(«Сейды – покровители»)*

КУЙВА

Каких только легенд не связано с Сейдозером, но самая известная о Куйве! И по всей вероятности ей не менее тысячи лет. Куйва – это сейд – наскальное изображение распятого саамского бога – гигантский петроглиф высотой в 72 метра. Легенды о нем в народе ходят самые разные. Например, в одной говорится, что очень давно ходил по горам старый человек и сломал ногу. А старик этот был упрям. Решил в запретное место пойти и даже, несмотря на сломанную ногу, не повернул назад. Подвернул штанину, снял сапог со сломанной ноги и дальше пошел. Только добрался до запретного места, как окаменел.

На берег того озера поселился саам по имени Карьэсь. Увидев окаменевшего человека, поклонился ему и принес в жертву самых крупных щук. С тех пор и повелось делать старику подношения.

Ещё одна самая популярная из легенд рассказывает о набегах шведов в эти места, которые грабили и убивали саамов. Однажды саамы собрались на своем священном озере Сейтьявьр, заманили туда врагов и победили их. Остался один Куйва, предводитель врагов. Раненый, он хотел через горы убежать, но упал на одну из скал и распялся, застыв. В другом варианте этой легенды он, смертельно раненый саамским героем Ляйне спустился к озеру утолить жажду, наклонился да так и застыл на века. Хорошо видны его шея и плечи, а голова – в воде... В ещё одной версии Куйву превратил в камень саамский нуэйт – колдун, метнув в него молнию. В третьей к выше-сказанному приводится дополнение. Оставшиеся в живых шведы пустили слух, что Куйва хоть и окаменел на скале, но будет саамам мстить. Древние лопари, конечно же, в это поверили.

Вот и кончилась битва.
И вождь иноземцев повержен,
Страшный Куйва уже
Никогда никого не пленит.
И на длинном хорее
Лоскут его куртки повешен.
И ликующе песня
Над озером синим звенит.

Пляшет лопь у костров.
Бронзовеют от пламени лица.
И хохочет шаман,

Лихо в бубен тугой колотя,
Только Куйве уже
Не смеяться, не плакать, не злиться.
Куйвы нет...
Но откуда
Вдруг в озеро камни летят?

И глядят лопари,
И такой на них страх навалился,
Что, случись это в битве,
Не видеть бы им ничего.
На высокой скале
Над водой
В полный рост появился
Вождь убитый,
Вернее
Лишь каменный облик его...

(Владимир Смирнов. «Камнепад»)

У меня об этом событии и сказка написана:

Как самый олмэ куйву победили

«Происходило это так давно, когда наш Север все называли холодной Лапландией. Тогда, когда главным среди сыййт олмэнь — в селе у людей — был шаман-нуэйт. Ударял он в бубен свой под монотонное самый олмэ пение и кружился в танце вокруг огня, испрашивая у духов удачной охоты, победы над врагами или исцеления от заболеваний различных.

Жизнь у саамов шла по своему календарю: отел оленей — это весна, вольный выпас — лето, имание — осень и долгие дни полярной ночи. Так и проходила жизнь этого маленького таинственного народа, затерянного в тундре, в далекой Лапландии.

Однажды, после отела оленей, великий шаман созвал свой народ и предупредил о нависшей над ними беде.

Развел он шурр тол, что значит большой огонь, и уселись вокруг него все самый олмэ. Медленно пошел шаман по кругу, говоря такие слова:

— Шурр пидть ёадт мыйе чиррэ. Еннэ олмэдтэ сонн уййтад. Что значило: — Большая беда идет к нам в тундру. Много людей она унесет. Имя этой беде — чудь иноземная.

И сам танец его подобен был агонии смерти. Лохматые черные волосы разлетались в разные стороны в бешеном ритме. Тело шамана извивалось, переламывалось, корчилось.

Он закатывал глаза к небу и раскидывал в стороны руки, словно крылья птицы, трясаясь всем телом. В такое мгновение бубен его тревожно дрожал, и все это скорее походило на безумную пляску, нежели на тайное гадание. Все ближе и ближе шаман к огню, вот уже языки пламени лижут его пальцы, передают тайные знаки. Огонь словно заморожен танцем колдуна, языки пламени то бешено вырываются в небо, то затихают, облизывая ноги шамана, и только он понимает язык стихии, только он может разжечь пожар или потушить пламя. Ему одному подвластна сила великого колдовства.

Разговор с духами подходит к концу. Шаман укрощает огонь и, распластавшись перед ним, уже сливается с духом Матери-Земли. Теперь он слушает слово ее.

Самь олмэ сидят, окаменев вокруг него, не смея нарушить священного таинства – разговора великого шамана с духами.

Через некоторое время нуэййт отрывает от земли голову, затем тело, и вот он уже вновь стоит, сотрясая свои руки, словно грозя невидимому врагу.

– Слушайте меня, самь олмэ. Дух Еммьне-иннк мне сказал, что движется на нас большая сила иноземная и возглавляет ее коварный и злой предводитель Куйва. Огонь предвещает большую битву, в которой мы победим, но много самь олмэ положат свои головы в ней. Есть один выход сохранить ваши жизни – все мы должны уйти за дальнее озеро.

Словам шамана перечить нельзя, и самь олмэ сделали так, как он сказал, перебрались за дальнее шурр явяьр – большое озеро, чтобы отсидеться, переждать беду.

Коварный Куйва со своей силой по тундре идет, не жалеет ни птицы, ни оленя дикого, уничтожая все на своем пути, убивая всех, кто мешал ему завоевывать эту часть Лап-ландии.

Среди самь олмэ молодой вождь Пассьтлесь Чалльм – Острый Глаз был, смелый, ловкий такой меххьц олма. Собрал смелый охотник вождей рода своего и сказал им:

– Стыдно нам самь меххьц олма прятаться шурр явяьр тугкенъ да бояться врага, когда родная земля стонет под пятой проклятого Куйвы иноземного. Должны мы чудь заманить кэсск суллъе – в глубь острова Сейтьявяьр куэттка – к сердцу Сейд-озера и там перебить их, как поганных псов.

Поддержали слова вождя Пассьтлесь

Чальм чуэрьв охотники смелые, поднялись на битву эту – и стар, и мал, так как даже удць парнэнч – ребенок умел лук держать, не говоря уже о лопинках.

Хорошо зная места свои, меххыц оллмэ заманили чудь к озеру, окружили плотным кольцом, и началась тут битва не на жизнь, а на смерть. Полетели множество стрел меххыц оллмэ юксэнь – из луков и сразили врагов многих намертво.

Куйва воином злым был, но и в храбрости ему равных не было, и бросался так отчаянно он в битву, словно кровное свое защищал.

Много оллмэ положил бесстрашный враг, и в месте том, где пролилась сама вэрр – кровь саамская, превратилась она в капли красных камней.

А никто не смог уйти живым из иноземного племени, последним бился Куйва раненый.

Молодой вождь Острый Глаз загнал Куйву урьт эл – на скалу и шамана великого призвал суд над врагом совершить.

Увидев нуэййта, почувствовал Куйва гибель свою и впервые страшно стало ему.

– В наказание всем непрошеным завоевателям, – стал медленно говорить шаман, – навеки веков в скале ты стой, нагоняя страх на чудь поганую.

Так наказал шаман жестокого завоевателя.

Много лет и зим прошло с тех пор, а Куйва в скале и по сей день стоит, словно чарр – грозный часовой.

То по одной легенде, то по другой Куйва превращается в тень на скале, стало быть, Куйвы не стало. Но тогда почему со скалы начинают лететь камни, с горы Куйвчорр люди срываются, один человек вовсе исчез, пять лет искали так и не нашли, другой ногу сломал...

Первые фотосъемки Куйвы, сделанные геологами с вертолета в 60-х годах, позволяли рассмотреть только общие очертания природного феномена. «Две последующие попытки профессиональных фотографов, отснять фрагменты силуэта с близкого расстояния заканчивались трагично. Фотографы вместе с оптикой погибли под камнепадами, сошедшими с вершины скалы», – вспоминал те годы А. Б. Гурвиц.

Однажды в разговоре с Александром Гурвицем, профессиональным проводником и фотографом, я услышала фразу: «На Куйву меня не пускают» и спросила:

– Что это? Просто к слову сказано? Или другое что?

– Нет, у меня идет непосредственное общение с хозяином места

Сейдозера.

– Вы считаете хозяином озера наскальную каменную фигуру Куйвы?

– Конечно! Но здесь есть и хозяйки озера. Куйва – хозяин всего места. Озеро делится на три котловины, и у каждой из них есть своя хозяйка – центральной котловины, восточной и западной.

– Вы говорите, что общались с хозяином Сейдозера Куйвой. Он для вас светлый или темный дух? По саамским легендам, он разный и скорее более зловещий, что ли...

– Куйва – вполне реальный образ, живущий в параллельном астральном мире, представленный страстями и чувствами. У Куйвы, как у любого нормального человека, настроение меняется в зависимости от обстоятельств. Сегодня он рад поведению своих дочерей, завтра недоволен проказами какой-то из них и может сорвать свой гнев на любой, как принято у нас говорить, попавшейся ему под горячую руку.

– А Куйва может за что-то туристов наказывать?

– Думаю, вполне возможно. Отношение хозяина места к путешественникам и туристам здесь самое различное. Все зависит оттого, как они себя ведут. Если в группе не ругаются, друг к другу внимательны, искренни и честны, значит, могут ничего не бояться – все будет хорошо.

Археологи, историки, геологи, планетологи дают различные объяснения черному барельефу, образовавшемуся на скале: гигантский петроглиф; старая порода, опаленная солнцем; тень человека на стене, оставшаяся после ядерного взрыва; мифический титан, испепеленный молниями. И что уж совершенно невероятно – это отпечаток сбитого гиперборейского самолета, плашмя врезавшегося в скалу.

У этнографа Александра Ященко насчет сейдозерского сейда своя история. Местоположение этого Чертова озера, как называет его этнограф, саамы ему не захотели показать, лишь сказали, что в скале стоит сейд, которому мужчины, приезжая ловить рыбу, подносят табак, а женщины в это время остаются на противоположном берегу. Ященко не мог точно сказать, был ли это действительно выбитый из камня идол или то, что воображение саамов находило в нем сходство с человеческой фигурой, просто игра природы. Но если это касается Сейдозера в Ловозерах, то там сейд до сих пор распят на скале.

Кстати, многие отмечали, что видели рядом с «пляшущим Куйвой» и огромных размеров шаманку, у которой четко просматри-

вались лицо и фигура. Кто знает, может быть, это всего лишь игра света и тени?

Будучи на Сейдозере, с горы Нинчурт мы долго всматривались в склоны горы Куэмдеспакт, стараясь прочесть таинственные клинописные знаки, но расшифровать их так и не смогли. И неудивительно: горам тем от 255 до 315 миллионов лет. Кто знает, может с тех пор и в скале над Сейдозером стоит Куйва каменный.

Когда Александр Даниленок и Владимир Кузнецов засняли водопад у горы Куйвчоарр, Саша рассказывал мне:

— Мы вышли на него случайно. Что-то невероятно красивое и грустное. И мне вспомнилась легенда о Сейде. Горная вода, точно слезы девушки, струилась по камням. Я думаю, эта легенда самая точная из тех, которые ты нам рассказывала.

Эта легенда о Сейде и для меня самая красивая, точнее, сказочно-волшебная из всех легенд, которые мне удалось собрать об озере и каменном идоле Куйве. Вот она:

Над тундрой бескрайною Куйва летал,
Он Сейду у чума вдали увидал:
Спала безмятежно саамская дочь,
Рассыпались косы, как темная ночь.
Как птица летала она за мечтой:
Ей снились олени, пастух молодой,
Знакомая тундра и осыпи скал.
И тихо вечерний костер догорал.
Злой радостью вспыхнул жестокий старик —
Он вниз устремился и к Сейде приник:
Не дрогнуло сердце от девичьих слез —
Он Сейду в Лапландские горы унес.
В тоске одиночества годы бегут,
Безмолвные скалы ее берегут.
И бьется сквозь вьюгу мучительный стон,
И к звездам холодным уносится он.
Не хочет стать Сейда женой колдуна.
Любовь и богатство — все делит она.
А слезы сквозь камень уйти не смогли
И озером горным в том месте легли.
С тех пор миновало не счесть сколько лет.
Красавицы Сейды в живых уже нет.
И Куйва давно превратился в гранит,
Но озеро — Сейду поныне хранит.

Алмазом сверкает в оправе из скал
Прекрасного озера горный овал.
И счастье, и молодость тот обретет,
Кто влаги напьется, кто к Сейде придет.

(В. Кудряшов. «Легенда о Сейде»)

АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА

В начале 90-х в Ревду пришла скорбная весть: четверо ребят погибли в ущелье между Карнасуртом и Кедыком. Это ущелье имеет особенность: совершенно неожиданно покрываться густым туманом, облачностью и вдруг – короткий проливной дождь. Видно ребят прихватил на перевале снежный заряд, и они вместо того, чтобы остановиться и переждать его, стали пробиваться к поселку. Причем нашли их вдали друг от друга. Местные рыбаки и охотники говорили, что они погибли не просто так. Убил их якобы «снежный человек», или «хозяин леса»! В те дни, как местные сообщают, в очередной раз видели его следы, а накануне он выгнал из леса другую группу парней – видимо зашли не туда, вторглись в запретные для нас места. «Одну из версий, по какой причине произошло нападение «хозяина» на погибшую четверку, мне подсказал охотник из Ревды, – пишет Вадим Чернобров. – По его словам, накануне у его знакомого в медвежий капкан попал кто-то посильнее медведя, разломал железяку и выбрался на свободу. Ребята попались под горячую руку. А может, попались и не случайно – один из парней был сыном охотника...» Не могу сказать, правда в этих рассказах или вымысел, но одно точно: на лицах всех четырех ребят в момент гибели застыли гримасы ужаса. Об этом мне говорил и Александр Даниленок, который в горах со спасательной экспедицией и нашел мальчишек.

Как сообщает Александр Гурвиц, криптозоологами Москвы и Мурманска зарегистрировано 17 случаев наблюдения реликтового гуманоида – редчайшего и загадочного существа.

В. Н. Демин в журнале «Наука и религия» описал случай, произошедший с участниками экспедиции на острове Могильный, самом большом острове Сейдозера: «Не успели выгрузиться на «запретный» остров Могильный (где и по сей день встречаются следы жертвоприношений в виде оленьих черепов и рогов), положить на видном месте аппарат «Киев», как через минуту он исчез, точно испарился». Про остров Могильный у саамов есть легенда о том, что якобы он плавающий и, когда плывет вдоль берегов Сейдозера, на его остром мысу появляется прекрасная Богиня вод, облаченная в

лучи света. Она высматривает мужчин, соблазняет их, а затем безжалостно топит в озере.

Наталья Анисимова в своей статье «Аномальная зона – рядом» пишет о рассказе Олега Кадола, побывавшего с группой исследователей в 1999 году на Сейдозере. Он рассказывал ей, что, когда они разбили свой палаточный городок у самых «ног» божества, их жизнь сразу пошла наперекосяк. Все перессорились и, промаявшись с неделю, перенесли свои палатки подальше от Куйвы.

Исследуя наскальное изображение Куйвы, молодые ученые обнаружили, что изображение это вполне естественного происхождения - трещины, проточенные водой в податливой сланцевой поверхности скалы. Русла трещин покрыты черными окаменевшими остатками мхов и лишайников, которые и образуют природный рисунок. Одно только непонятно, почему он сохраняется так долго, ведь на сланце постоянно образуются все новые и новые борозды, их сетка очень недолговечна. А Куйва не стареет.

«ЗНАЮЩАЯ» В ЛОДКЕ

У чальмны-варрских саамов своя легенда про Сейдозеро.

Ловили рыбу на том Сейдозере раз в году, по особому указанию человека знающего. Его знак люди ждали с Петрова дня. Появлялся знак – разжигались огни, саамы мылись, во все чистое одевались, и каждая семья в своем карбасе выходила на озеро. По такому случаю из саамских девушек выбиралась особая, которую и везли по озеру в лучшем карбасе, сшитом именно в тот год. Восседала она на скамье, покрытой донной травой, сидела одна и не гребла, потому как ее отцу надлежало своим карбасом толкать лодку дочери впереди себя. В великом молчании плыли люди на большой улов.

Знающий протоку, пройдя, шапку снимал, воде кланялся, кидал в нее монету, выкупая у хозяина озера воду и улов. То же самое повторяли все участники необычного обряда. Рыба также ловилась в полном молчании, и только на острове посреди озера, когда сети были вытянуты, уха сварена, сытые люди пили березовый сок и пели песни. После праздника в том же порядке с полными лодками рыбы возвращались домой. Только девушка, имя которой с этого момента становилось «знающая», плыла в лодке позади всех, посреди свежих донных трав Сейдозера.

ШУМЕТЬ НЕ ПОЗВОЛЯЛОСЬ

Живет в саамской мифологии лесной дух – Мець-вуйнас⁸. Темное существо, мохнатое. Людям зла не чинит, если те не досаждают ему. Если же они в лесу песни поют, кричат, шум поднимают, то рассердится, заблудит так, что дорогу назад не найдешь, не найдешь выхода. Потому-то и говорят старики: лес любит тишину и спокойствие.

Саам Василий Алексеевич Галкин вспоминал, что, когда жил на Сейдозере, то вечерами «никому из детей не позволялось шуметь. Для нас это было страхом... После десяти все игры прекращались. Здесь и озеро, и горы особые... В общем, боялись. Потом во сне приснится! Ночью озеро отдыхает и все. Какая-то вера такая была...» Далее то же подтверждала Мария Гавриловна Медведева: «Женщинам строго-настрого запрещали к Куйве ходить, говорили, что внутри у них все окаменеет». А Мария Ивановна Захарова говорила, что в Сейдозере саамы даже посуду не мыли, только в ручьях. И воду брали не ведрами, а черпали ковшиками и не против, а по

⁸ По Харузину Мец-хозяин

течению.

И, наверное, оттого, что в последние годы все чаще стали нарушать покой тундры выстрелы, вой мотоциклов, крики подвыпивших рыбаков-любителей, стало людям казаться, будто бродит в районе Сейдозера снежный человек, прозванный саамскими ребятами Афоней.

После того, как мы в 1996 году отсняли Сейдозеро и к Мотке пришли, спросил нас Максим Филиппов, который все это время, ожидая, рыбачил на Ловозере:

– Не потревожил ли ваш покой Афоня – снежный человек? Он тут второго дня рыбаков ревденских от берега прогнал. То свистел, то камнями в их избушку кидался, те еле свету дождались, съехали. Они говорят, что и тень его видели.

Честно говоря, мы были удивлены. Все четыре дня нашего пребывания на озере – ни Топик не залаял, ни страх нас не посетил.

Александр Даниленок, скептически относящийся к мистике, дал свое, не терпящее возражений, заключение:

– Медведя увидели спяну, а крику подняли...

И вновь обращусь к творчеству Юрия Скворцова, у которого есть рассказ «Медвежонок». Интересно, что озеро Сейдозеро в нем упоминается под названием Саамское озеро:

В юности любил я летом уезжать к знакомым пастухам-оленьводам. Интересно было кочевать с ними за оленями по просторам тайги и тундры. Однажды старший из них Вонтре Хатье сказал мне на прощание:

– Ты лес любишь, озёра любишь, олешки тебя слушаются, всё равно лопарь... Это хорошо... Видишь, сколько у нас озёр? А какое лучшее, знаешь?

И, немного помолчав, добавил:

– Там, – указал пастух мундштуком своей трубки в сторону синющих вдали Ловозерских Хибин – там, в горах... Саамское озеро. Чистая вода, высокий ягель... Раньше мой чум часто стоял... Теперь олешек много, тесно в горах... Там хорошо, душа радуется. Самой лучшей рыбы захочешь, на Саамское озеро приходи, оно даст....

И пастух подробно объяснил мне, как найти это необыкновенное озеро. При упоминании о Саамском озере тёмное обветренное лицо пастуха засветилось...

Прошлым летом сидели мы с сынишкой на берегу нашего Ковдозера с удочками. Мелкая плотва изредка дербанила червяков. Перед нами на голубом плёсе дымящий катер тянул большой кошель брёв-

ен. Сынишка огорчённо произнёс:

– Неужели не осталось нигде больше неразорённых озёр?

И тогда я вспомнил о Саамском озере и рассказал о нём сыну. Тот сразу же оживился и начал расспрашивать. Уж очень захотелось ему на таинственное озеро посмотреть – может, уцелело оно? И меня взбудоражили дорогие воспоминания... Был у нас с сынишкой впереди свободный август, и мы засобирались в далёкий путь...

У гор мы отыскиали по приметам нужную речку и стали вдоль неё подниматься по лесистым склонам. По словам пастуха, речка эта вытекала из Саамского озера. Хоть и устали мы, но предстоящая встреча с таинственным озером бодрила.

И правда, вскоре за могучими зелёными соснами засверкала водная гладь, и вышли мы на песчаный берег красивого озера, уходящего вдаль. От его берегов поднимались вверх суровые горы, поросшие густым ельником, и вверху, в голубом небе, над озером кругами парил орлан. Множество разных уток – крохалей, турпанов, гоголей плавало на воде.

Мы стояли и любовались открывшимся видом. Какое величие кругом, какая древняя красота. Мы словно попали в другой мир, в прежние века... Передохнув, стали мастерить из сушин плот. Пастух говорил, что в дальнем конце озера есть избушка. При первых же стуках топора над нами появился ворон, крикнул недовольно и улетел, громко извещая лесных обитателей о чужих пришельцах.

Мы плыли по озеру часа два, любуясь окружающим видом. Всюду плескалась рыба, а на прибрежных отмелях кое-где бродили большие чёрные глухари, с удивлением поворачивая к нам бородастые головы. В конце озера на берегу среди зарослей травы темнела ветхая избушка. Мы причалили почти к самому её порогу.

Людей здесь, очевидно, давно не было. На крыше избушки темнел толстый слой опавших листьев и хвои. Дверь в нескольких местах продолбил дятел. Под закопченным потолком висело несколько старых осиных гнёзд. Обрадовались мы древней избушке – чего ещё надо усталым путешественникам? Пока я разводил костёр, сынишка закинул свою удочку и вскоре с плеском вытащил на берег бойкого светлого хариуса.

– Есть уха! – радостно крикнул он.

Так началась наша необычная жизнь на далёком от людей Саамском озере. Вскоре выяснилось, что в нём нет ни щук, ни окуней, ни плотвы. А водилась лишь «царская рыба»: кумжа, форель, хариусы, гольцы. Рыбачил больше сын, а я бродил кругом, осматривая окрестности, собирал грибы и ягоды.

У избушки нас то и дело посещали лесные гости: глухари, рябчики, совы и другие птицы, а однажды на стук топора вышел из чащи большой белоногий лось с могучими рогами и долго топтался за ручьём, поглядывая на нас. Как-то утром я сказал сыну

– А, знаешь, друг, к нам ещё какой-то гость по ночам нахаживает. Все рыбки косточки и потроха к утру исчезают...

– Может, это норка или выдра? – сказал сын, – они ведь рыбу-то любят.

– Непохоже. Скорее, лиса, может, росомаха. Консервные банки-то наши вон уже где, у леса...

Вечером мы пораньше зашли в избушку, устроились у окна на чурбачках и стали ждать.

Незаметно сгущались мягкие сумерки. Небо и озеро засветились звёздами. Сынишка стал клевать носом, и я уложил его на лавку, застланную свежей травой. Сам ещё присел у окошка. За избушкой монотонно шумел ручей. Где-то на озере иногда сонно вскрикивала гагара: «Квик!»

Глубокое чувство покоя охватило душу, вспомнилась молодость, жизнь в лесах среди гостеприимных саамов... Долго я сидел, пока и меня не одолела усталость. Прилёг я на лавку и уснул. Разбудили меня солнечные лучи, заглядывающие в избушку. Посмотрел в пыльное оконце – рыбьих косточек и потрохов опять не было. Мы решили не отступаться от этой загадки и терпеливо ждать.

Следующим вечером сынишка как глянул в оконце, так и в лице изменился. И было отчего: из леса к избушке по зелёной поляне спокойно брёл чёрный медвежонок.

– Вот это гость, – прошептал я удивлённо, а сынишка прямо засветился весь – увидеть медвежонка было его давней заветной мечтой. Теперь медвежонок сам шествовал к нам. Он побродил вокруг кострища, обнюхал его, почавкал, похрустел рыбьими косточками,лизал консервную банку, строго посмотрел на избушку, и так же неторопливо ушёл в лес.

Долго мы в тот вечер о медвежонке толковали. Когда следующим вечером медвежонок явился опять и занялся едой, я осторожно открыл дверь. Малыш сразу же насторожился, потом метнулся к ближайшей сосне и проворно полез на неё, шурша древесной корой. Метрах в четырёх от земли он затих, кося глазёнками в сторону избушки.

– Хорош гость! – засмеялся я.

Медвежонок недовольно фыркнул и сердито загудел. Мы отошли к избушке и сели на порог. Наш маленький гость зашевелился

и начал осторожно спускаться.

Внизу он ловко спрыгнул на землю и ускакал в лес.

Появление медвежонка оживило нашу лесную жизнь. Теперь мы то и дело говорили и о «своём Мишутке», стали готовить еду уже на троих. Наш гость хоть и не подходил близко к избушке, но продолжал навещать нас по вечерам. Днём он куда-то исчезал, быть может, искал мать? О его появлении мы узнавали по тревожному пisku птичьей мелкоты. Сынишка начал носить медвежонку еду в нашем запасном котелке. С каждым днём малыш подпускал его к себе всё ближе, а потом и вовсе перестал опасаться и начал брать еду из его рук.

Вскоре они подружились. И медвежонок бродил за сынишкой как собачонка и ждал его, сидя у леса. Сынишка устроил ему под ёлкой из веток что-то вроде шалаша. Малыш полюбил там сидеть и даже лежал, развалившись.

Так незаметно пролетел месяц нашей интересной лесной жизни. Приближался сентябрь, нужно было собираться в обратный путь. Накануне отъезда я укрепил плот добавочными сушинами и даже поставил мачту для паруса. Последней ночью занепогодило: потянул ветер, зашумел лес, зашуршал частый дождь.

Чуть свет мы позавтракали и засобирались в дорогу. Я перенёс рюкзаки на плот и приготовился к отплытию.

Сынишка медлил и всё посматривал на мокрый лес.

– Садись! – позвал я его, – Надо отчаливать. Поехали, пока ветер попутный.

– А медвежонок? – растерянно спросил сын.

– Что медвежонок. У него своя жизнь. Ему в школу не надо. Да его и нет сейчас близко – днём он уходит куда-то.

Сынишка нехотя ступил на плот. Я оттолкнулся от берега самодельным веслом, и плот наш медленно отправился в обратное плавание. Прощай, избушка! Прощай, лес! Прощай, маленький медвежонок!

Налетевший ветер похлопал нашим парусом – одеялом, выгнул его, и плот поплыл быстрее. Мне оставалось только рулить веслом. Дождь усилился. Мы уже порядочно проплыли и гостеприимная избушка давно скрылась за поворотом, как вдруг сын встрепенулся и крикнул, показывая рукой назад:

– Папа! Смотри!

Я оглянулся и сквозь пелену дождя рассмотрел сзади, на правом от нас берегу, движущуюся вслед чёрную точку.

Медвежонок!

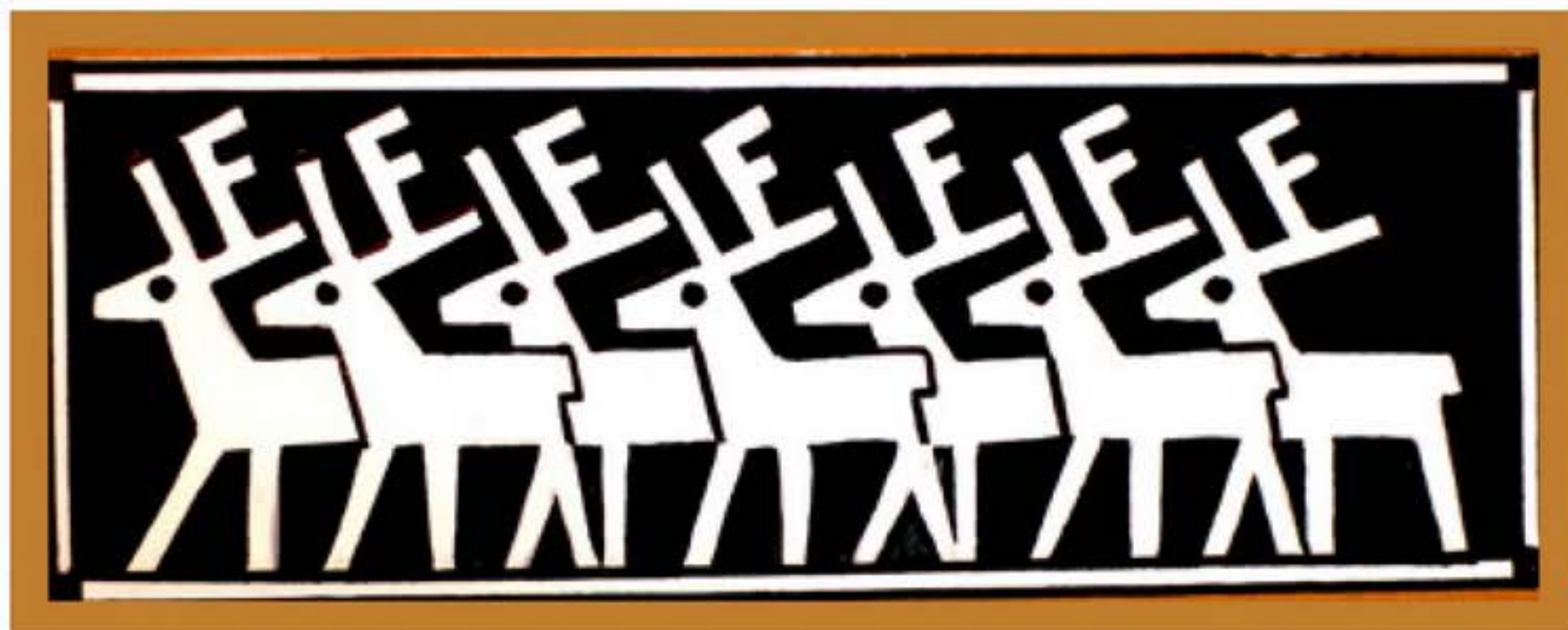
Он быстро скакал за нами по извилистому берегу, но вот дорогу ему преградила широкая протока. Медвежонок заметался по широкой косе и замер. Частый дождь поливал его, но медвежонок не шевелился. Мой юный спутник не выдержал:

– Папа, давай пристанем к берегу, заберём его, а? Я быстро сбегаю!

– Да ты что, сынок! Куда же мы его денем? Разве ему в неволе лучше будет? Здесь у него родное место, раздолье, он всё тут знает...

– А он не пропадёт один?

– Ну-у! Такой-то молодец! Маленький совсем не пропал, а теперь и подавно. Вон, ягод кругом сколько, да он себе и другую пищу разыщет. А мы его ещё не раз навестим...

ПРАЗДНИК НА СВЯТО-ОЗЕРЕ

И напоследок предлагаю читателям свой новый фантастический рассказ, который так и называется «Праздник на Свято-озере» Место действия – Сейдозеро.

В зале Центра национальной культуры собралось очень много народа. Отметить 600-летний юбилей старинного саамского села приехали гости со всего мира. По этому случаю даже машину времени запустили. Каждый по желанию мог очутиться в том или ином времени, но только раз. Машина делала по три старта в день. Специальное огромное табло высвечивало все предполагаемые старты по векам и дням отправки в них желающих.

– Центр управления национальной саамской культуры, век XXII, приглашает желающих посеять старо-былинное саамское село Ловозеро, – мелодично пропел компьютерный голос. – XIII век – пер-

вый временной купол. Время старта 10:00, XV век – второй временной купол. Время старта 12:00 и 450-летний юбилей села, 2024 год – пятый временной купол. Время старта 14:00.

– Заглянем в кафе, там по случаю праздника сегодня будут оленину давать, – предложил красивой большеглазой девушке высокий крепко сложенный парень, нежно обнимая её за талию.

– Что ж, я совсем не прочь попробовать настоящего оленя, а то только в старых газетах, да книгах и приходится читать о его вкусовых качествах, – со смешком радостно приняла предложение своего спутника девушка.

– Надеюсь, ты, Айна, по приезду из Норвегии уже сумела найти способ удовлетворить свой вожделенный интерес и увидеть оленей, родившихся на свет полгода назад. Узнала хоть? Из маленьких телят они сумели уже в годовалых быков вырасти, или норвежский университет так вскружил голову моей саамской девчонке, что она напрочь забыла про них и про то, что её род Галкиных начало своё от оленных людей ведёт, – спросил, подкалывая девушку, парень.

– А ты, Ярсен, думал, что я после прилёта сразу к тебе побежала? – весело засмеялась Айна. – Между прочим, ещё в начале своей работы здесь, в Центре, до знакомства с тобой, мне по большому секрету их показал мой прадедушка, который, несмотря на свои преклонные годы, всё ещё продолжает работать в оленном загоне. Вот к нему-то я в первую очередь и пошла. Олени, конечно же, подросли, но надо признаться, что от бывшего величия их популяции, которое можно только в фильмах увидеть, не так много осталось. А что это ты мне зубы заговариваешь, дед ведь проговорился, что тебе их месяц назад как показывал.

– Признаюсь, признаюсь, я как из Швеции с семинара приехал, тоже к нему пошёл. И знаешь, что скажу, эта практически последняя популяция оленей стала резко меняться, как только её по требованию начальства Центра в пластиковый загон загнали, заменив настоящий ягель искусственным.

– Что и говорить, вот уже несколько десятилетий саамам приходится не настоящее оленьё мясо есть, а заменители, да и те только по большим праздникам...

В кафе все на одно лицо роботы-официанты подходили к новым посетителям, вежливо спрашивая:

– Что желаете заказать? В ассортименте оленина мороженая, копченая, отварные языки...

Выслушав весь перечень, Айна сказала Ярсену:

– В честь праздника – выбирай ты.

– Приятно. Тогда для начала принесите нам оленину копченую, по языку и по стакану чистой родниковой воды.

Не успели они переброситься ещё несколькими шутками, как их заказ был доставлен, – небольшие спрессованные кубики в блестящих обертках со вкусом копченой оленины, оленьих языков и две небольших чашечки с чистой родниковой водой.

– Хорошо хоть вода в нашем веке в озёрах ещё настоящая, – сказал Ярсен, – хотя и её «хозяева жизни» начинают к рукам прибирать, родники уж давно все прибрали.

Ненавязчиво звучали стопятидесятилетней давности саамские лаввл⁹.

– Ты эти лаввл слышала уже? – спросил Айну Ярсен.

– Разумеется. Я ещё до поездки в Англию прослушала все сохранившиеся записи саамской музыки и скажу, что даже сто пятьдесят лет назад большинство из саамских песен уже были стилизованы, а мне так хотелось бы услышать настоящие старинные луввйт¹⁰.

– И что ты решила, какой век мы выбираем для нашего путешествия? – спросил девушку Ярсен, последний отпрыск фамильной династии Захаровых.

– Тебе не кажется, Ярсен, что последнее время ты постоянно на меня давишь, – спросила, чуть обидевшись, Айна. – Если бы у нас было несколько шансов, я бы выбрала все три, тем бо...

Айна что-то ещё хотела сказать, но увидев направляющегося к ним незнакомца, пристально смотрящего на неё, осеклась на полуслове. От подходящего «чёрного человека», как тут же подсознательно окрестила она его, хотя в одежде незнакомца на чёрный цвет и намека не было, исходило какое-то магическо-леденящее предчувствие беды.

Ярсен сидел спиной к подходившему человеку, а потому, не видя его, в образовавшейся паузе снова заговорил, ставя на стол чашку с родниковой водой:

– Я предлагаю выбрать золотую середину – XV век.

– Простите, что вмешиваюсь, – подойдя к ним, заговорил незнакомец, – но я, девушка, считаю, что ваш молодой человек совершенно прав.

Ярсен чуть вздрогнул от неожиданности и обернулся.

– Разрешите представиться, – продолжал подошедший заполнять образовавшуюся между молодыми людьми паузу и без какого бы на то позволения бесцеремонно вмешался в разговор Айны и Ярсена:

– Мое имя Рыггэ, доктор наук, специалист в области нуэйтъе,

⁹ Лаввл – песня.

¹⁰ Луввйт – песня-легенда, песня-судьба.

ищу себе подходящих спутников в XV век. Уверяю вас, путешествие обещает быть очень увлекательным и интересным. Я узнавал, мы увидим тайный праздник на священном озере древних саамов Сейдяввьере. Медитируя несколько дней, я побывал во всех предлагаемых Центром временных измерениях и замечу, что XV век самый интересный в характеристике лапландских саамов. И не понимаю, почему большинство людей стремится записаться на юбилей столетия пятидесятилетней давности. Я больше скажу, узнал, что X, XI, XII века вообще сняли за отсутствием посетителей. Завтра предполагаются старты в век XIV, XVI и вновь в 2024 год на 450-летний юбилей, а в третий день пройдут в века XVII, XVIII и XIX.

Радуюсь, что случайный необычный незнакомец поддержал его выбор, Ярсен ещё раз сказал Айне:

– Ну что я говорил, дорогая, золотая середина – особая мудрость жизни.

И уже обращаясь к новому знакомому доктору Рыггэ, спросил:

– Значит, если мы выберем XV век, будем вашими попутчиками?

– Да, вы – моими, а я – вашим, – вытянув узкие губы в подобие некой улыбки, произнёс Рыггэ. – Но простите, молодые люди, вы так мне ещё и не представились.

– Извините, – поднимаясь, искренне произнёс Ярсен. – Я – Ярсен Захаров, специализируюсь в изучении разных диалектов саамского языка. А это моя невеста Айна из рода Галкина Семёна, заслуженнейшего оленевода, – и, уже с ноткой некой гордости, добавил, – недавно Айна защитила в Норвегии кандидатский минимум по фольклору саамов.

И только тут Ярсен заметил, что всё это время Айна сидела молча. Спросил:

– Ты, что молчишь, Айна?

Но Рыггэ не дал ответить девушке и со словами: «Тогда до встречи во временном куполе через час» поспешил удалиться.

Ярсен кивнул ему головой в знак согласия, потому как только сейчас осознал, что Айна с начала разговора с доктором Рыггэ сидела, точно набрав в рот воды, скованная каким-то неведомым страхом, мало того, с застывшим выражением лица. Её большие карие глаза казались ещё больше, а чистое белое лицо ещё бледнее.

Ярсен в тревоге за девушку дотронулся до её руки и нежно спросил:

– Милая, что с тобой?

От прикосновения теплой руки Ярсена Айна, очнувшись, вздрогнула.

– Что с тобой? – ещё раз переспросил молодой человек.

– Ничего. Показалось... Так куда ты предлагаешь отправиться, я не расслышала?

Ярсен, ещё более удивившись, произнёс озабоченно:

– В XV век.

– Хорошо, я согласна, – просто ответила Айна, – как говорится, чему быть, того не миновать.

– Ты это к чему? – снова спросил Ярсен.

– К слову, к слову, дорогой...

– Ну тогда допивай воду и вперед на покорение XV века.

.....

Они подошли к большому яйцевидному куполу со светящейся надписью «XV век». Проверив документы, «стражи времени» пропустили их занять места в куполе. Там было всего несколько человек. Устроившись в удобных креслах, Айна с Ярсеном, подбадривая друг друга, взялись за руки. Подобный временной полёт они совершали впервые, хотя давно уже были наслышаны о них, но в Ловозерском Центре саамской национальной культуры в 2174 году такое мероприятие было ещё в новинку, которое совет директоров попридержал специально для 600-летнего юбилея.

Мелодичный голос зазвучал приятно завораживающе:

– Дорогие гости, буквально через небольшой отрезок времени вы попадёте в отдаленную от нашего века старину – XV век. Машина времени устроена так, что, попадая в выбранный вами временной континуум, вы окажитесь в самом центре событий, развертывающихся на этой территории несколько сотен лет назад. Вы будете видеть всё. Просьба не нажимать никаких кнопок, чтобы не произошла временная разгерметизация купола. На случай непредвиденных обстоятельств всем оставаться на местах до прибытия временной аварийной бригады. Предупреждаем, что, пересекая временной предел, вы будете находиться в легком гипнотическом сне. Желаем вам приятного полета в XV век саамской истории.

На какое-то мгновение все погрузились в сон...

.....

Айна почувствовала, как кто-то трясёт её за плечи и, очнувшись, наконец, открыла глаза. Это был почему-то «черный» Рыггэ.

– Айна, Айна, очнитесь Вы, наконец. С временным куполом произошла авария, как только мы перенеслись в XV век. У нас есть шанс выйти за пределы этой колбы.

Айна, не успев испугаться, произнести слово, первым делом бросила взгляд на кресло Ярсена. Оно оказалось пустым. Заметив

её взгляд, Рыггэ сказал:

– Он уже вне купола, пошёл обстановку разведать, и нам надо спешить.

– А как же все остальные? – в недоумении произнесла Айна.

– Пусть продолжают спать. До прилета аварийной команды мы успеем многое посмотреть.

Айна вышла из купола сразу вслед за Рыггэ. От свежего осеннего воздуха у неё закружилась голова. Ярсена поблизости не оказалось.

– Да где же Ярсен? – спросила Рыггэ чуть пошатнувшаяся Айна.

– Наверно не утерпел и к озеру Духов направился. Нам тоже надо туда поспешить, совсем скоро поднимется солнце и начнётся праздник.

– Откуда Вы всё это можете знать? – спросила озадаченная девушка, безропотно следовавшая за Рыггэ по необыкновенно живому ковру из разноцветного мха и ягеля, ступая прямо в россыпь сочно красной брусники. Наконец, Рыггэ остановился и прислушался.

– Все уже направились к озеру, – произнёс он почти шепотом.

– Кто? – в унисон ему произнесла и Айна.

– Кто, кто? Саамы, конечно же, предки ваши. За этой горюшкой стоит кувакса, в которой есть одежда для вас. Переоденьтесь, и мы сразу присоединимся к ним.

Айна не могла взять в толк, почему без какого-либо возмущения исполняет приказы этого чужого человека. Увидев куваксу древнего саама чуть меньше двух метров, которую в начале XXII века видела только в этнографических музеях да в фильмах, распахнув полог, проникла внутрь. Легко отдернув липучки тонкого, защитного цвета комбинезона, вылезла из него и, оставшись практически обнажённой, тут же поспешила накинуть на себя первобытный пецк¹², кабперь¹³ и обуться в удивительно мягкие липты¹⁴ и тобэрки¹⁵, которые составляли неременный атрибут костюма лапландских саамов. В них её ногам стало сразу тепло и уютно. Накинув на голову меховую шапку, вышла из куваксы.

Заметила, что и Рыггэ, непонятно где, но уже успел переодеться. Теперь он напоминал ей настоящего саамского нуэита с картины из старинных книг. Протянув Айне два маленьких оленьих рога и схватив за руку, рванулся к озеру, а она вслед за ним...

.....

Ярсен очнулся от какого-то непонятного ощущения. Что-то шер-

11 Кувакса (коввас) – небольшой шалаш, построенный из жердей и обтянутый парусиной.

12 Пецк – глухая саамская одежда, сшитая из оленьих шкур годовалого теленка.

13 Кабперь – шапка, основа покрывалась зеленым или синим сукном, с красным саамским орнаментом и лисьей опушкой.

14 Липты – меховые чулки в тобэрки

15 Тобэрки – повседневная обувь саама, высотой до бедер, шилась в основном из темного меха ворсом наружу.

шаво-теплое и мокрое дотронулось до его лица. Открыв глаза, он увидел над собой огромную морду мохнатого зверя с чуть подрагивающими чёрными ноздрями и большими добрыми глазами.

В свою очередь и олень, увидев, как у непонятого существа с каким-то странным нетундровым запахом распахнулись глаза, вздрогнул и отскочил в сторону.

Ярсен, покачиваясь, поднялся на ноги. Чуть поодаль от него продолжал ещё стоять сказочно-красивый черно-серый олень с серебристой проседью по бокам.

– Боже, где это я? – пронеслось у парня в голове.

И, напрягая память, он вдруг вспомнил. XV век! Но где Айна? Где купол? Как он оказался здесь? Вопросы наплывали один на другой, так и оставаясь без ответов. Но стоять, пассивно рассуждая над ними, его терпение не позволяло. Необходимо было что-то делать, и, увидев, как олень бросился, ломая кусты в сторону от него, поспешил за ним...

.....

Айна и Рыггэ подоспели вовремя. На большой поляне уже горел огромный костёр, вокруг которого собирались мужчины древнего племени. Раскачиваясь, они запели старинную лувьть. Женщины в это время стояли поодаль, у всех в руках были рога.

– Иди к ним, – и Рыггэ подтолкнул Айну к собравшимся женщинам.

– Но я очень плохо говорю по-саамски.

– Поспеши, генетическая память подскажет, да не торчи, точно замороженная сосулька, поспеши.

– А Вы куда? Хотите оставить меня?

Айна сделала попытку зацепиться за рукав пецк Рыггэ, но тот, отдернув руку, прошептал:

– У меня ещё одно дело есть.

И Айна заметила, как Рыггэ направился по направлению к куваксе, которая стояла не遠далеке от большой поляны.

Несмело она подошла к саамским женщинам, одна из которых тут же обратилась к ней:

– А мне сказала, что не поедешь на праздник священный обряд принимать.

И удивляясь тому, что её приняли за кого-то своего, Айна ответила на чисто кильдинском наречии саамского языка, чему ещё больше была удивлена, и уже сама с вопросом обратилась к ней:

– А начало обряда когда?

— Когда, когда, как нуэйт выйдет, тогда, — ответила ей уже другая саамская жёнка.

Одна из молодых, пристроившись рядом с Айной, заговорила:

— И правильно, Айла, Ярсэм уже несколько раз о тебе справлялся.

— А что Ярсен тоже здесь? — думая, что женка просто ошиблась в произношении имени ее любимого, прошептала ей на ухо Айна.

— А где ж ему быть? Или не признала? Да вон же он, в сером печке и черных тобэрках. Настоящий богатырь. Вчера на играх первое место по борьбе взял, всех победил!

— Ярсен? — ещё больше удивилась Айна.

— Да что ты заладила: Янсен, Ярсен. Ярсем он, совсем ум потеряла? Но что ж, нуэйт-то наш задерживается, вон уж и край солнца показался, а его куэмдес всё не слышать.

И только она произнесла эти слова, как раздались первые удары бубна и к ужасу Айны из куваксы вышел Рыггэ, немного изменивший свой костюм. Он бил в бубен-куэмдес и неистово выкрикивал заклинания появляющемуся из-за горизонта светилу.

.....

Ярсен, бежав за оленем, налетел на что-то мягкое, закутанное в шкуры, и чуть было не упал. В шкуре сразу что-то зашевелилось и застонало. Раздирая оленьи жилы, которыми шкура была перевязана, Ярсен никак не мог сразу распутать тугие затянутые узлы. Наконец, вспомнив про свой нож-складнечёк, он вытащил его и одним движением смог перерезать все путы. Шкура раскрылась, и он увидел Айну, правда одетую почему-то в старинную саамскую одежду.

Девушка, увидев его, простонала:

— Ярсем, — и тут же снова лишилась чувств.

Ярсен удивился, конечно, почему это Айна изменила окончание его имени, но, не придав этому особого внимания, стал приводить её в чувства.

Окончательно очнувшись, девушка уставилась на него, точно на приведение.

— Айна, ты что так смотришь на меня, что с тобой произошло? — допытывался Ярсен.

— Я — Айла, — по-саамски заговорила девушка, — разве Ярсем забыл имя Айлы своей? Что это на тебе за странный наряд, ты на рыбу похож, только чешуи не хватает, где твой печёк? Где тобэрки, что я шила тебе к этому празднику?

И правда, стального цвета комбинезон Ярсена чем-то напоминал рыбий цвет.

— Значит, ты говоришь, что ты Айла, а я твой Ярсем?

Только тут до парня стало доходить, что он с девушкой разгова-

ривает на саамском языке. И только сейчас он начинал понимать, что это не его Айна, а только очень похожая Айла из древнего саамского рода, скорее всего, его любимой дальняя родственница. И как бы в подтверждение своих мыслей он ещё раз спросил:

– Значит, ты Айла?

– Конечно.

– А как же ты оказалась здесь?

– Я спешила на священный праздник Имание оленей на Свято-озеро. Отец, умирая, наказал мне обязательно попасть на него, иначе, сказал он, может случиться беда, только какая не сказал. Но когда я почти дошла до озера, меня что-то точно ударило, и я упала. Больше я не помню ничего.

– Кто ж тебя в эту шкуру замотал?

Айла захлопала глазами.

– Не знаю, не помню. Может, дух леса мец-хозин прогневался на меня?..

– Здесь дух ни при чём, тут человек поработал. Только кому надо, чтобы ты на праздник этот не смогла попасть?

– Надо к озеру поспешать, тогда и узнаем всё, – предложила Айла.

И тут же остановила себя.

– Ярсем, но как же ты пойдешь на праздник оленя в рыбьей шкуре?

– Послушай, Айла, я хоть и не до конца всё понимаю, но постараюсь тебе объяснить. Я – не Ярсем. Я, наверно, только очень похож на него. Зовут меня Ярсен, и что-то подсказывает мне, что, если мы сейчас и впрямь не поспешим, может произойти временной дисбаланс.

– Мудрёная речь твоя, ничего я не поняла из сказанного тобой, знаю только одно – надо спешить, – и Айла, точно видимый ранее Ярсеном олень, метнулась в ведомую ей сторону озера.

Тут Ярсена точно ударило током высокого напряжения. Яркой картиной всплыло лицо Рыггэ, которое он увидел склоненным над ним при приземлении и толчке временного купола. И лицо это было искажено какой-то ужасной гримасой, и выплыли точно из тумана его злые слова:

– Вот на тебе отныне род Захаровых и закончится, а мой продолжится. Я нарушу ход времени.

Вспомнив это, Ярсен сразу всё понял и догнал девушку.

Когда они подошли к поляне, прячась за мшистыми елями и пушистым золотом березняка, Ярсен остановил Айлу и стал оценивать обстановку. Увидел Рыггэ в костюме нуэйти, неистово ба-

рабанившего в бубен, закатывавшего к небу глаза, и понял, что он сейчас находится в медитации, а потому не сразу очнется и оценит происходящее вокруг. Увидел среди саамских женок Айну, круг мужчин, в котором уже сейчас происходила борьба двух подражателей оленям. Рогами они бились друг с другом до первой крови и полной победы. Спросил у Айлы:

– А что будет, когда один из них победит?

– Как что? Победитель тут же возьмет в кругу девушку, за которую бьется, как это делают олени. Ой, духи мои, я вижу ещё одного Ярсема.

- Вот-вот, ты видишь как раз настоящего Ярсема. Теперь слушай внимательно, что делать должна. Видишь девушку в бело-сером печке, что сейчас поодаль всех стоит, подкрадись незаметно к ней и, не заглядывая в лицо, пошли её ко мне. Скажи «Тебе нужно лететь, Ярсен ждёт», а сама в круг к своему Ярсема поспеши. Помни, если что-то сделаешь не так, будет беда, о которой предупреждал тебя отец.

– Я всё сделаю, как велит мне Ярсен в шкуре рыбы.

Ярсен внимательно следил за Рыггэ, но тот, будучи уверенным в успехе своей хитрости, неистово продолжал колотить в бубен и выкрикивать разные заклинания.

Когда все взгляды были прикованы к последней сцене битвы мужчин-олений, Айла подбежала к Айне и прошептала в спину:

– Беги сейчас же, не оглядываясь, в лес, там тебя ждёт Ярсен в рыбьей шкуре. Спешу, иначе быть беде, так он сказал.

И хоть Айна толком ничего не поняла, всё ж поспешила незаметно скрыться с поляны, а Айла заняла её место. Забежав за деревья, Айна тут же попала в объятия Ярсена. Пригнувшись, из своего укрытия они стали наблюдать за дальнейшими событиями. Айла вбежала в круг, в котором за неё отчаянно стал драться Ярсем, а победив соперников, тут же взял её, издав победный клич...

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила у Ярсена Айна.

– Кажется, до меня, наконец-то, стало доходить. Рыггэ хотел нарушить временной закон, поменять вас с Айлой местами, чем и известить род Захаровых и Галкиных, но погорел на своей же хитрости. Больше здесь нам делать нечего, поспешим к куполу.

Когда Айна завела Ярсена в куваксу, чтобы переодеться, скинула печок, оставшись соблазнительно обнаженной, и, встряхнув копной красивых русых волос, зашептала, приближаясь к любимому:

– Ну, уж нет, прежде чем мы покинем XV век, хочу я на настоящем празднике любви, на настоящей оленьей шкуре зачать от тебя своего первенца. Иди ко мне, спаситель мой. И не переживай, купол

без нас не улетит, время есть, я это чувствую...

Что-то древнее, первобытное, зовущее было в этот момент в Айне, словно она слилась с матерью-природой, впитав в себя законы её любви и жизни. И только шуршание липучек на комбинезоне Ярсена нарушило сейчас тишину. Здоровый, поразительно естественный запах леса, догоревших березовых поленьев, хорошо выделанных оленьих шкур обволакивал влюбленных. И только небо было свидетелем их любви, заглядывая через верхнее отверстие куваксы и любуясь совершенством их молодых тел, слившихся в единое целое...

.....

Во временной купол они успели вовремя. Место Рыггэ продолжало пустовать, все остальные по-прежнему спали. Мелодично зазвучал компьютерный голос:

– Герметизация купола прошла успешно. Вы возвращаетесь в XXII век.

– Не показалось ли мне, Айна, что у тебя талия потолстела чуть, да и животик выпячиваться стал, – спросил Ярсен, когда они вновь удобно устроились в креслах. – Не хочешь же ты сказать, что...

– Нет, дорогой, то, о чём ты подумал, враз не происходит, просто я не утерпела и прихватила с собой те мягкие, тёплые липты из оленьей шкуры, что были на моих ногах на празднике.

– Тогда и я тебе по секрету скажу, что тоже не пустой лечу, в моем потайном кармане прихвачен настоящий кусок оленьего мяса и язык.

– Где ты их взял?

– Обнаружил в котле, что рядом с очагом стоял. Пока ты одевалась, вытащил и даже попробовать успел. Признаюсь, ничего подобного я в своей жизни не ел. Так что предвосхищаю твоё удовольствие...

.....

Когда Рыггэ обнаружил обман, было уже поздно. Как говорится, сам себя перехитрил. Временной купол возвратился в XXII век, а он остался навсегда в веке XV. Проклятие, висевшее над ним и предсказанное ему дряхлой лапландкой-саамкой, начинало сбываться...

.....

А саамское село Ловозеро широко отмечало своё 600-летие, угощая всех гостей праздника оленьим мясом и языками в кубиках, и только избранным была оказана великая честь увидеть настоящих оленей...

УМБОЗЕРО – ОДНО ИЗ ГЛУБОЧАЙШИХ ОЗЕР РОССИИ

Озеро Умбозеро – второе по размерам озеро в Мурманской области, после Имандры, одно из глубочайших озер России и самое глубокое на Кольском полуострове. Его глубина местами достигает 115 метров! Заперто Умбозеро между горными массивами с запада Хибин, с востока Ловозерских Тундр. По сравнению с озером Ловозеро островов здесь немного, крупнейшие: Большой, Еловый, Морошкин и Сарвановский. Их мало, а потому и ветер на озере сильнейший бывает. В декабре вода замерзает, и только в конце июня озеро полностью вскрывается.

Упали сосны в озеро
С названьем странным – «Умба».
Здесь так меня морозило –
Синея, стыли губы.

Вода сегодня нежная.
Лазурная, недвижная.
А как трепала снежная
Метель – не знал, что выживу...

Палатку рвали парусом,
Сдували ветры зимние,
А скалы – в девять ярусов
С коварным – Умба – именем!

Земля гранитно-льдистая,
Лопата примитивная.
Экзотика ли чистая?
Романтика спортивная?

Экзотика экзотикой,
Романтика романтикой,
Пурга – не видно клотика,
Как в Северной Атлантике...

То пешие, то трактором.
То ломиком, то взрывами,
Мы мерились характером
С полярными массивами!
Вода сегодня нежная,
Лазурная, негрозная...
Ушла пора мятежная,

Костерная, морозная!
Стою люблюсь Умбою,
Загадочной красавицей,
Что прибыло, что убыло,
Но сердцу – все здесь нравится!..¹⁶

(А. Гастев. «Умба – озеро»)

В южной части начало берет Умба река, на севере впадают реки Сура и Чуда, на востоке – Кица. Природа невероятно красива. Большое и живописное Умбозеро для путешествующих туристов идеальное место: хоть в Ловозерские, хоть в Хибинские Тундры направляйся, к горе Ангвундасчорр, на равнины южного берега, на байдарках под парусом спускайся вдоль берегов и чем дальше от берега, тем больше озеро путешествующим кажется морем. А рыбалка здесь просто потрясающая...

У С. А. Токарева записана легенда о туземском боге Умба, который, сотворив мир, перестает затем им интересоваться совсем (корень умба – творить, создавать). Ему туземцы не молятся, не приносят жертв, нет храмов этого бога, нет жрецов. И только в случае крайней нужды, если не помогают другие боги, обращаются к Умбе. Туземцы и саамы. Казалось бы, нет ничего общего, но откуда же тогда у туземцев возник бог Умба, а на земле саамов существуют Умба – река, Умба – озеро, Умба – поселок? Вспомнить хотя бы песню Эдуарда Хиля, которую в прошлом веке знали все обитатели Терского берега, ничуть не смущаясь, что поморское село за полярным кругом в песне называется городом:

Есть на свете город Умба –
это северный причал.
Лучше города, чем Умба,
до сих пор я не встречал.

Белой ночью, Белым морем
в Умбу я вернусь опять,
и придут друзья-поморы
на причал меня встречать.

А вот писатель Лев Гумилевский своих героев из повести «Страна гипербореев» поместил на озеро Умбу:

«Из Колы, направляясь в глубь полуострова, вышел 24 июня 1913 года топографический отряд. Отряд, состоявший из шести человек, намеревался обследовать течение реки Умбы, вытекающей, как не многим известно, из озера того же названия. Никто из участников этой экспедиции не вернулся. Для огромного большинства состави-

¹⁶ Гастев А. Умба – озеро.

телей карт точное местоположение реки и озера остается по-прежнему неизвестным. На всех просмотренных мной картах Кольский полуостров кажется в огромной своей части безводной пустыней, а на большинстве их загадочное озеро не означено вовсе, хотя величина его составляет не менее трети огромного Имандрского озера».

«Летом 1926 года, то есть тринадцать лет спустя, из той же Колы и совершенно по тому же направлению, имея целью своего путешествия также озеро Умбу, отправился другой отряд, хорошо снаряженный для путешествия...» «Кто бы мог предположить... что в трехстах верстах от Колы в глуши лесных чащ, среди незамерзающего озера есть очень страшный, загадочный остров, прозванный лопарями Островом Духов».

Как выясняется в дальнейшем, на нем обитает необычный, загадочный народ, называемый себя гиперборейцами:

«Кто эти люди, населяющие остров? Их язык напоминает... латинский... В их нравах и обычаях есть многое, заставляющее вспоминать не то римлян или греков, не то египтян... И в то время как за полтысячи верст отсюда люди летают на аэропланах, ездят на автомобилях, здесь каждое утро собираются в священную рощу потомки какого-то тысячелетнего народа славить солнце... Оно, или божество, являющееся его олицетворением, называется Апуллом, может быть, это искаженное Аполлон?». «...по существующему среди гипербореев преданию какой-то гиперборей Аварид тысячи полторы лет тому назад отправился куда-то путешествовать и пообещал вернуться... До сих пор о нем нет ни слуху ни духу. Бореад, царствовавший в то время, отправил с ним десять свитков папируса, в которых изложена история этого странного народа. Предки его были выходцы из Египта, и, застряв здесь, потомки еще не теряют надежды этими папирусами списаться со своими родственниками. Только найдется ли где-нибудь человек, который разберется в их иероглифах?»

Это трудновато, хотя понять их язык легче. Ведь у них, как это ни странно, есть чисто русские слова: «береза», например, и значит — береза, а напишут такими каракулями, что не понять. Много слов, какие слышал я у лопарей. Может быть, и наши лопари им родственники, только те одичали и все забыли, а эти дрожат над своею культурой и так цепляются за свое, что и еще тысяча лет пройдет — ничего здесь не переменится».

Это, конечно же, вымысел автора, но ни одна фантазия не возникает из нечего. Откуда в 20-е годы XX века Лев Гумилевский узнает об озере Умбозеро и древней цивилизации Гиперборей? Почему именно сюда поселяет гипербореев? Загадки, одни загадки...

Понравилась мне версия названия озера, записанная в рассказе

саама Геннадия Лукина «Умбозерские саамы»:

«Почему так называли озеро Умбозеро? Да от саамского слово аммп – кипит, умм – шумит вода. Нужно только представить в котле кипяще-бурлящую воду, вот также в сильный ветер происходит и на озере, своеобразный «аммп – умм», а потому и Умпьяввр. Другая версия, ее мне рассказала Анна Николаевна Юрьева, такова: «Вдали виднеются горы уммьп тэгк по-саамски. От них название Умпьяввр и произошло. На русский язык адаптировали, вышло Умбозеро».

Умбозеро имеет популярность среди туристов и рыбаков. С северной стороны к озеру идет автомобильная дорога от поселка Ревда. К южному берегу водоема можно добраться из города Кировска, откуда идет автомобильная трасса. Совершая сплав на байдарках вдоль берегов, можно делать привалы и пешие прогулки на южных равнинах или в Ловозерских и Хибинских Тундрах. Особенной популярностью пользуется гора Ангвундасчорр – самая высокая точка Ловозерской Тундры. Над озером дуют холодные ветра, как с юга, так и с севера. Они возникают внезапными сильными порывами, поэтому рыбакам и любителям прогулок на байдарках нужно быть очень осторожными и не очень удаляться от берега. В гидрохимическом отношении Умбозеро слабо насыщено неорганическими веществами. По характеру водного гумуса озеро относится к неокрашенной группе. Гумус имеет местное происхождение и является результатом биохимических распадов водной растительности и фито-, зоопланктона. Воды такого типа бесцветные и прозрачные. Они имеют благоприятный кислородный режим для рыбного хозяйства.

Умбозеро прославилось благодаря найденным вблизи залежам одного из редких минералов – умбозерита. Это открытие произошло в 1971 году. Знаменитый минералогический элемент представляет собой плохо оформленный призматический кристалл, который имеет четырехугольную форму, а его размер не превышает 4 миллиметра. По цвету кристаллы бывают зеленовато-бурые и бутылочно-зеленые. Они имеют полупрозрачную структуру и стеклянный блеск. Умбозерит относится к типу кислородных соединений, класс – силикаты и аналоги.

Экологическая ситуация местных вод ухудшается в связи с выбросами сточных вод местных компаний по добыче рудниковых пород и поступлению других загрязнений через систему притоков. В разных районах Умбозера была обнаружена концентрация меди, которая превышает допустимую норму.

И если Лев Гумилевский гипербореев на Умбозере поселил, то у меня своя сказка об этом озере написалась, я бы сказала экологическая.

Сказка о том, как Уммьп-явьрьсът поселился Фиолетовый колдун и сгубил озеро

Дует осенний ветер, стучится в окно, да только не боятся его дети. Они уютно устроились вокруг своего дедушки и мирно беседовали.

– Айя, скажи, почему мы нынче летом в Ныккешь няльм – в Щучьей губе – не рыбачили?

– А разве вы, дети, ничего не знаете? В Ныккешь няльм поселился колдун Фио-летовый и загубил озеро: переводится рыба, мало стало зелени, и все оно сделалось как молоко белое, а Уммьпявьр Голубого Плаща царь даже не подозревает о нависшей над ним опасности.

– Айя, а кто такой этот царь Голубого Плаща? Он что, плащом правит?

– А откуда ты сам узнал про этого колдуна? – посыпались на деда вопросы ребятни.

– Так вот, детки, – стал рассказывать дед, – царь Голубого Плаща правит своим подводным миром, а дали ему такое прозвище потому, что он обладал самым замечательным голубым плащом. И если в царстве было все хорошо, плащ оставался прозрачно-голубым. А стоило чему-то случиться – на нем сразу появлялись пятна. Увидит их царь и сразу тревогу бьет. Мгновенно очистит плащ, и вновь в подводном мире все начинает искриться чистотой, голубизной и светом. А рассказала мне об этом одна кувшинка. Коль вы не знаете этой истории, я вам ее расскажу.

Была у царя Голубого Плаща дочь Кайенч – Золотой Волос. Красивая была Кайенч, невеста уже. И вот появилась у царя мечта найти ей хорошего жениха. Царь очень любил свою дочь, но того не знал, что у нее есть уже жених. Был то молодец Инцэсь Чувв – Утренний Свет. Частенько парень встречал свою Кайенч на том или ином явьр рынтэсьт – берегу озера. Они много часов проводили вместе, любуясь озером и светом белым.

Как узнала Кайенч о решении отца своего, прибежала к нему с

мольбой:

– О, справедливейший из всех правителей, отец любимый, не губи дочь свою, не нужны мне женихи, аджя-царь, потому как есть у меня уже любимый.

– Кто ж удостоился любви твоей, дочь моя ненаглядная?

– Дорогой отец, этот молодец Инцэсь Чувв.

– Хорош выбор твой, доченька, да опоздала ты со своим признанием. Я отправил уже озерных рыб известить о моем повелении.

– Но, отец, что же теперь делать мне?

– Женихов встречать, ведь Инцэсь Чувв на смотрины тоже придет.

В горё, что примыкала к озеру, жил горбатый одноглазый колдун Фиолетовый: грыз он гору и правил ее жителями. И была у него мечта – завладеть озером. Когда прослышал он, что Кайенч – Золотой Волос жениха выбирать будет, решил моментом воспользоваться, чтобы проникнуть в Уммып-явьр царство подводное.

Загорелось сердце колдуна и захотелось ему заполучить в жены дочь царя Голубого Плаща. Частенько видел колдун ее, сидящей на берегу озера, сказочной была красоты девушка, и колдун из своих укрытий наблюдал за ней.

День смотрин настал. Со всех сторон явились женихи с подарками. Отец-царь и все подданные Уммып-явьр царства собрались в серебряной зале дворца.

Пажи распахнули двери перед Имандра явьр принцем. Преподнес он в подарок Кайенч серебристых сигов. Приняла подношение девушка, поблагодарила принца с Имандры, но уж больше не взглянула в его сторону. Затем Поной-ег молодец предстал и одарил он Кайенч ожерельем из граната красного. Но ни одна ресничка не дрогнула у Кайенч.

Знаменитый Луявьр лопин семгу красную доставил моджесь ний-йта – красивой девушке из своего озера. Но никто не заинтересовал Кайенч – одного она ждала юношу.

Наконец, распахнулись двери дворца, и увидели все Свет Утренний. Озарил он всех своим сиянием солнечным, а в подарок Кайенч преподнес букетик кувшинок желтеньких и признался ей в своей любви.

Засияло лицо девушки счастьем и дала она юноше свое согласие. Выбор сделан, но за дверями находился еще один жених, добрый царь на радостях и ему разрешил зайти.

Перед всеми появился одноглазый уродец Фиолетовый, увидела его Кайенч, вздрогнула и спряталась за жениха своего.

Извинился перед последним женихом царь Голубого Плаща и пригласил колдуна Фиолетового на свадьбу своей дочери.

Загорелось злобой сердце колдуна, и решил он все сделать по-своему – отомстить Свету Утреннему. Наколдовал он непогоду в свадебный день, и не смог жених на собственное торжество попасть. А колдун обернулся Инцэсь Чувв и как ни в чем не бывало на свадьбу пришел.

Подмены даже Кайенч не заметила, увидела Свет и обрадовалась. Гости на свадьбу приглашены были с разных рек и озер, все пожало-

вали с подарками богатыми.

Прошла свадьба и остались молодые наедине, колдун сбросил облик Света Утреннего и предстал перед невестой в мерзком облике. Как увидела Кайенч горбуна Фиолетового, так и впала надолго в беспамятство.

Колдуну это на руку, он времени зря терять не стал, память Кайенч заколдовал, а затем напустил колдовство на все Уммьпявьр царство подводное.

На утро встречает царь зятя с дочкою, ничему не удивляется и ничего не предвещает ему беды, потому как все точно рассчитал колдун. Плащ Голубой царя остался чист, как всегда.

Поселились молодые в Ныккешь няльмесът, стали хозяйничать, то есть, хозяйничал один колдун, а Кайенч целыми днями во дворце сидела, на букетик кувшинок глядела, все пыталась вспомнить, чем же они ей так дороги.

А что же жених Кайенч, Утренний Свет? Он, как только устоялась погода хорошая, явился для встречи с царем и своей невестой. Но велико было его разочарование в том, что Кайенч уже замужем, и муж у нее Фиолетовый колдун, которого она так испугалась на смотре.

– Что ж ты наделал, царь Голубого Плаща? Зачем дочь свою за нелюбимого отдал, я ее жених. Ты не только жизнь дочери своей загубил, ты загубил свое озеро.

– Что это ты, молодец, мне тут страхи такие рассказываешь, кто неволил ее, сама шла. И зятя моего нечего понапрасну обижать, посмотри на мой плащ – он также чист, как и был.

Тут только юноша понял, что все царство заколдовано колдуном, и решил во что бы то ни стало пробраться во дворец к горбуну и повидаться со своей возлюбленной.

Когда она увидела Свет Утренний, залюбовалась молодцем.

– Тон ке ляк? – Кто ты есть? – спросила девушка.

– Я Инцэсь Чувв, разве ты не узнала меня, о моя Кайенч.

– Я не знаю тебя, молодец.

– Любимая, отнял память у тебя проклятый колдун. Ну, вспомни, милая, как мы часами сидели на берегу озера, как давали клятву всегда вместе быть. Посмотри на кувшинки, Кайенч, понюхай их, запах цветов солнечных вернет память твою.

Понюхала цветы Кайенч и все вспомнила, бросилась в объятья к Утреннему Свету и горько заплакала.

– Нам не плакать, Кайенч, надо, а действовать. Всю Щучью губу загубил колдун, бросая с горы шелуху ядовитую. Вода белее белого сделалась, рыбы все повымерли. Зараза ползет к сердцу озера.

– Что же мой отец, почему он тревогу не бьет?

– Как и память твоя, так и все царство Голубого Плаща заколдовано, а вот как расколдовать его, тебе, Кайенч, надо вывести у Фиолетового горбуна.

Унесся Утренний Свет, а Кайенч – Золотой Волос стала мужа своего, обманщика, поджидать.

Когда тот явился, пожаловалась Кайенч ему на головную боль, сказала, что давно на воздух не выходила она, и колдун с радостью

решил ей услужить.

Вывел он ее из дворца и стал их владения показывать, да хвастаться тем, что уже успел сделать.

Увидела Кайенч Щучью губу и сжалось сердце у нее от того варварства, какое причинил ей колдун Фиолетовый, но ему не показала она беспокойства своего, а колдун ей хвастался:

– Решил я болото это, что когда-то Ныккешь нялльмень прозывалось, завалить горы моей отходами и построить здесь новый дворец Фиолетовый, а затем на Уммьп-явьр царство пойду, пора отдохнуть твоему отцу, вот только бы кто из его подданных не додумался принести воды родниковой с горы Карнасурт да не очистил ему зрение.

Вдруг он понял, что сболтнул лишнего, посмотрел на Кайенч, на миг показалось ему, что промелькнула радость у нее в глазах, и тут испугался колдун и подумал, что теперь ее ему нельзя оставлять надолго одну.

Кайенч же больше ни одним движением не выдала радость свою, только стала с нетерпением ждать, когда колдун в гору уйдет, чтоб дать весточку Свету Утреннему.

Как только колдун покинул дворец, сразу полетела весточка к любимому Кайенч, и он немедленно прибыл к ней.

– Узнала, милый, я тайну ненавистного кодлуна: нужно достать родниковой воды со священной горы Карнасурт и плеснуть ее в глаза отцу моему, тогда колдовство сойдет.

– Я понял тебя, Кайенч, и поспешу за водой, до тех пор не быть нам счастливыми.

Но тут распахнулась дверь, и перед возлюбленными заговорщиками возник еще более страшный в гневе своем колдун Фиолетовый.

– Ты, негодная жена, посмела обмануть меня, но никогда тебе не выполнить задуманного, потому как с минуты этой будь ты кувшинкой, одной из тех, что качаются на озере, а ты, Утренний Свет, прибивайся к ней пеной розовой.

И только он это сказал, как в единый миг так и исполнилось. И колышется на волне озера желто-золотистая кувшинка, а к ней прибивается пена розовая, и никто из Уммьп-явьр придворных не догадывается, что это заколдована моджесь ниййт Кайенч и ее возлюбленный Свет Утренний.

– Айя, айя, а что царь Голубого Плаща так и остался в неведении?

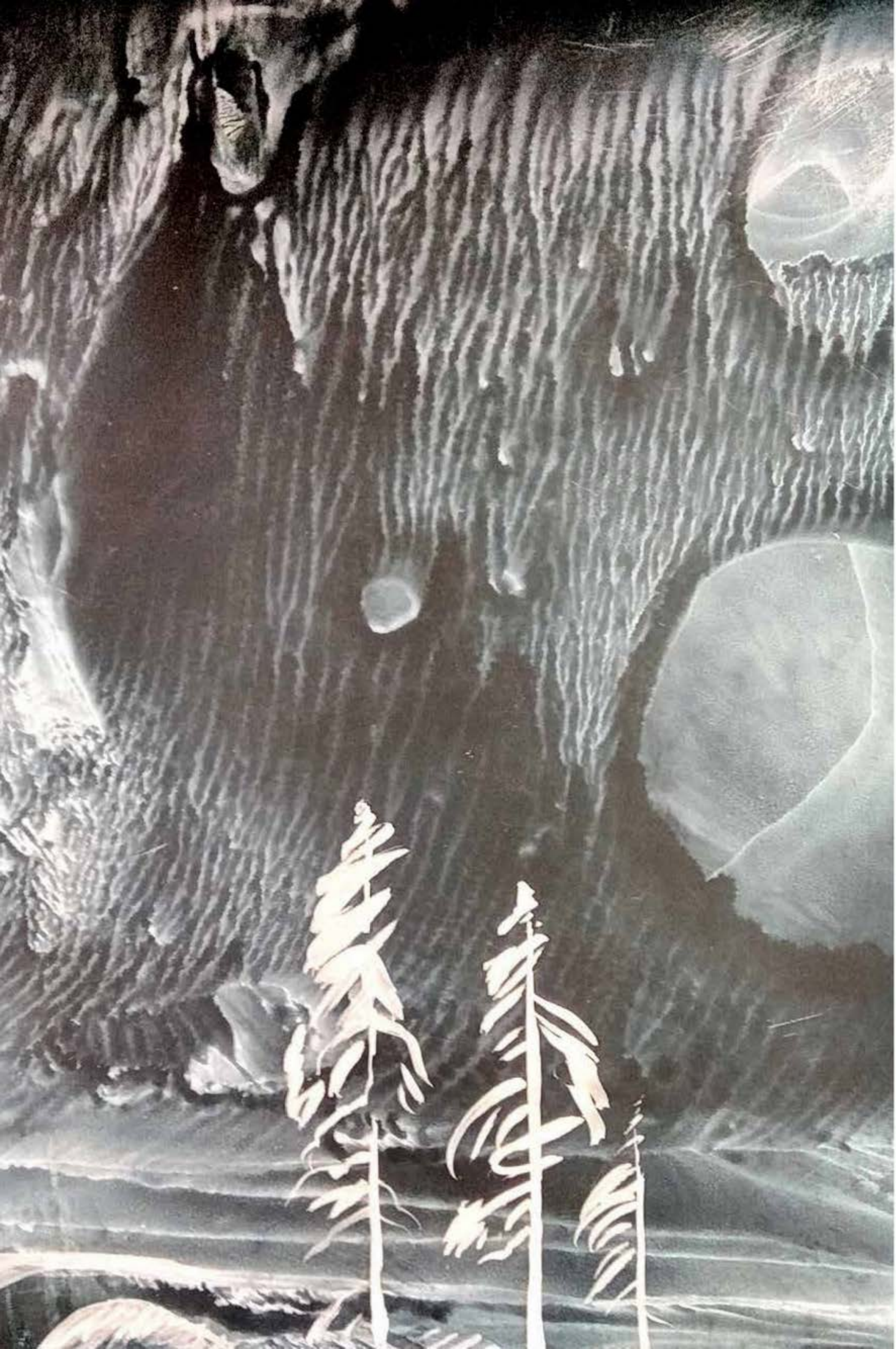
– А что колдун Фиолетовый? Он так и засоряет озеро своими отходами?

– Айя, значит, погибло уже озеро? – наперебой спрашивали дети.

– Нет, детки, оно еще дышит, живет, но, если люди не помогут царю Голубого Плаща, значит, погибнет озеро.

– Айя, а Кайенч и ее жених, Свет Утренний, так больше и не расколдуются?

– Если люди победят колдуна Фиолетового, тогда с них заклятье снимется. Мы все сейчас должны вступить с колдуном в борьбу и освободить озеро от злых сил и от гибели».

Надежда Павловна Большакова

ЧУДЕСА ЛОВОЗЕРЬЯ
Озера Ловозерских тундр

Редакторы: Т.Т. Фёдорова
О.Н. Сеницына

Рисунки
В.К. Мыздрикова

формат 60*90/16
гарнитура Times New Roman
Тираж 500 экз.
Заказ № 0000
Отпечатано ООО РПК "Зебра",
ИНН 5190020548
г. Мурманск, ул. Самойловой, д. 12